

ЛЕВ СИМКИН

ЕГО ПОВЕСИЛИ НА ПЛОЩАДИ ПОБЕДЫ

АРХИВНАЯ ДРАМА

CoRpus

18+

В стране размываемой истории —
Лев Симкин из редких людей,
ее сохраняющих, даже — добывающих.

ВАДИМ АБДРАШИТОВ

Памяти XX века

Лев Симкин

**Его повесили на площади
Победы. Архивная драма**

«Corpus (АСТ)»

2018

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=рус)6-44

Симкин Л. С.

Его повесили на площади Победы. Архивная драма /
Л. С. Симкин — «Corpus (АСТ)», 2018 — (Памяти XX века)

Когда начался Холокост? Кто разжег костер Всесожжения? Автор книги дает на эти вопросы вполне определенные ответы: массовое уничтожение евреев за то, что они родились евреями, началось летом 1941 года после вторжения нацистской Германии в Советский Союз, у истоков геноцида стоял обергруппенфюрер СС, генерал войск СС и полиции, высший фюрер СС и полиции на юге, а позднее и на севере России Фридрих Еккельн, ставший палачом Бабьего Яра и Рижского гетто. Это один из величайших злодеев великой войны, о котором до сих пор мало что известно. Автору пришлось по крупицам собирать сведения в архивах. К рассекреченным материалам Рижского процесса 1946 года, по приговору которого Еккельн был повешен, добавились материалы из американских и германских документальных хранилищ. По ходу повествования автор приводит драматические истории, порой косвенно относящиеся к центральному персонажу книги. Так в ней оказались рассказы о судьбе митрополита, создателя Псковской православной миссии, в чьем убийстве обвинялся Еккельн, о спасенной одним из его соратников девушке из Рижского гетто, о незаконнорожденной дочери палача, о чудовищном нацистском проекте “Лебенсборн”. Перед нами “архивная драма”, удивительным образом являющая ничем не ретушированный ужас произошедшего.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=рус)6-44

© Симкин Л. С., 2018

© Corpus (АСТ), 2018

Содержание

Работа у них такая	7
И у него было сердце?	8
Рационализаторы зла	9
Психология зла – 1	11
Тот, кто начал Холокост	12
Свидетель	14
Три источника	15
Не просто работа	17
Глава 1	19
Высшее без среднего	20
Кавалер Железного креста	21
“Расово грязная” женитьба	22
Психология зла – 2	24
Друзья	25
Неудачник	26
Психология зла – 3	27
Глава 2	28
Пропагандист	29
“Новая порода”	30
“Штатный руководитель”	32
Энергичные люди	34
Психология зла – 4	35
Против “религиозного дурмана”	36
“Законно лишь то, что Германии впрок”	38
Глава 3	40
Чувство такта	41
“Ночь длинных ножей”	42
“Еврейский вопрос”	43
Новый человек в полиции	45
Глава 4	47
Внутренняя борьба	48
СД	49
Гейдрих был высок и голубоглаз	50
“Дело прочно, когда под ним струится кровь”	52
Глава 5	53
Инцидент на “Съезде труда”	54
Пьяный водитель	55
Алкоголики	57
Дивизия “Мертвая голова”	58
История Цинглера	59
Глава 6	60
“Источник жизни”	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Лев Симкин

Его повесили на площади Победы. Архивная драма

© Л. Симкин, 2018

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2018

© Г. Резник, послесловие, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Издательство CORPUS ®

* * *

...3 февраля 1946 года в три часа дня в открытом кузове грузовика на площади Узварас (Победы) в Риге в мундире без знаков различия стоял с накинутой на шею петлей палач Рижского гетто – обергруппенфюрер СС, генерал войск СС и полиции Фридрих Еккельн. Рядом в ожидании казни стояли еще пять гитлеровских генералов и один полковник. В половине четвертого всем затянули петли, и водители грузовиков по команде одновременно дали газ.

Повешенных окружила толпа. Некоторые подбегали к трупам и били их палками. С Еккельна сдернули штаны. На следующий день он вновь висел одетым, только уже не в генеральские брюки с лампасами, а в солдатские. Тела раскачивались на виселице еще долго, пока их не сняли и не похоронили.

...Начало Холокоста принято отсчитывать с января 1933 года – с момента прихода Гитлера к власти. Реже историки его относят к ноябрю 1938 года, когда свершилась Хрустальная ночь. Еще реже – к декабрю 1941 года, когда в кузове грузовика в концлагере Хелмно была оборудована газовая камера.

Никто не ведет отсчет с 22 июня 1941 года, когда германская армия и идущие следом отряды убийц из айнзатцгрупп перешли советскую границу. Или со следующего дня, когда Фридрих Еккельн приступил к обязанностям высшего фюрера СС и полиции на юге России (*HSSPF Russland-Süd*). Или с четырехдневного расстрела спустя два месяца, когда состоялось первое по-настоящему массовое убийство: в Каменце-Подольском по приказу Еккельна были убиты 23 600 человек – просто потому, что родились евреями. Бабий Яр был позже, и командовал там тоже он. И Рижское гетто – он.

Настоящая беда, назови ее греческим ли словом “холокост” (всесожжение), древнееврейским ли “шоа” (катастрофа), началась летом 1941 года. Вся нацистская Германия разводила костер Всесожжения, но разжег его не кто иной, как Фридрих Еккельн. Первый из тех, кого повесили на площади Победы.

Работа у них такая Вместо предисловия

*Цвет глаз средний
Цвет волос средний
Вес средний
Рост средний
Особые приметы – никаких
Число пальцев на руках – десять
Число пальцев на ногах – десять
Интеллект средний
А чего вы ожидали?
Когтей?
Выросших клыков?
Зеленой пены у рта?
Безумия?*

*Леонард Коэн
Все, что нужно знать об Адольфе Эйхмане*

Марк Крысобой был добрым человеком, правда, “с тех пор, как ему переломили нос добрые люди, он стал нервным и несчастным”. Адольф Эйхман был если не добрым, то по крайней мере не таким уж злым – обычным бюрократом, чернильным червем.

“Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме” – так назвала Ханна Арендт свою знаменитую книгу, философский репортаж с судебного процесса 1961 года. Правда, судили Эйхмана за преступление, которое ну никак не назовешь банальным, – под его приглядом было убито 4 миллиона человек. Но, с другой стороны, все вполне банально – он просто “делал свою работу”. Из “производственного” отчета возглавляемого им отдела гестапо IV-B-4 (август 1944 года), адресованного Генриху Гиммлеру, и взята та цифра – 4 миллиона. Цифра как цифра. Вот еще цифра – 6 миллионов или около того, то есть две трети всех евреев, живших в Европе перед Второй мировой войной, – мужчин, женщин и детей, – погибших во время Холокоста.

Сам Эйхман никого не убивал. Потому так разволновался, услышав во время судебного заседания одно из свидетельств (впрочем, впоследствии судом отвергнутое), будто бы однажды до смерти забил еврейского мальчика. В такое волнение его не могло свергнуть обвинение в том, что он послал на смерть миллионы. Если б ему приказали убивать евреев лично, говорил Эйхман на допросе у следователя, он бы пустил себе пулю в лоб.

“А чего вы ожидали? Когтей? Выросших клыков? Зеленой пены у рта? Безумия?”

Положа руку на сердце, я лично ожидал. Ожидал чего-то, что выделяло бы этого изверга из числа других людей. И уж никак не думал, что зло вполне себе банально, особенно зло такого масштаба, как это.

И у него было сердце?

“Пусть общество продолжает видеть во мне жаждущее крови животное, жестокого садиста, убийцу миллионов, ведь иначе широкие массы коменданта Освенцима представлять не могут, – сокрушался Рудольф Хёсс в своих воспоминаниях, законченных незадолго до казни в 1947 году. – Они никогда не поймут, что и у него было сердце, что он не был плохим”.

Конечно, не был. Такая уж у Хёсса была работа. Поручили бы ему что другое – делал бы с тем же усердием. Иной раз Хёсс срывался, конечно, не без того: “Возможно, разозлившись на беспорядок или на проявления халатности, с которыми я столкнулся, я сказал не одно плохое слово, позволил себе высказывания, которые не должен был себе позволять. Но я никогда не был жестоким – я никогда не доходил до издевательств”.

Милые люди, такими их сделала работа. Или не совсем так? Или совсем не так, и зло есть зло, а добро есть добро, и вместе им не сойтись? Ну никак не укладывается в голове мысль о банальности зла, никак не получается растворить зло в окружающем мире, как бы убедительны ни были за то доводы. Во всяком случае, когда речь идет о массовых злодеяниях. Может, если поскрести этих людей, организаторов злодейств, найдется хоть что-то, что отличает их от обывателей?

Стоит ведь немного погуглить, и узнаешь, что тот же Хёсс сидел в тюрьме за убийство (!) и был выпущен оттуда только после прихода к власти нацистов. 31 мая 1923 года вдвоем с Мартином Борманом они убили учителя Вальтера Кадова. Тот, как они полагали, во время французской оккупации Рура (правомочной по условиям Версальского договора) выдал властям Лео Шлагетера, национал-социалиста, казненного за саботаж – взрыв на железной дороге. Они вывезли Кадова в лес, избивали до полусмерти палками, потом перерезали горло и добились двумя выстрелами в голову.

Рационализаторы зла

Эйхман ни в чем таком замечен не был. По Ханне Арендт, то был ничтожный бюрократ, бездумно, но добросовестно выполнявший приказы начальства. Правда, это он сам изображал себя честным служакой. Ни разу за весь процесс не апеллировал к своим моральным или политическим убеждениям, к идеологии. Только к тому, что исполнял приказы. Да, они были несправедливы, да, уничтожение евреев было ужасным преступлением, но сам он был лишь винтиком бездушной машины.

На деле же Эйхман был вовсе не так прост. Он не тупо исполнял приказы, а делал то, что считал верным. Вот что его подчиненный Дитер Вислицени рассказал в свидетельских показаниях на Нюрнбергском процессе об их последней встрече в Берлине в феврале 1945 года: “Он сказал тогда, что если война будет проиграна, то он с улыбкой прыгнет в могилу, так как с удовлетворением сознает, что на его совести около 5 миллионов евреев”.

Только недавно стали известны транскрипты секретных интервью 1957 года, взятых у Эйхмана в Буэнос-Айресе голландским журналистом Виллемом Сассеном, в прошлом нацистом. Сделанные им магнитофонные записи показывают нам настоящего Эйхмана, излагавшего свободно то, что думает, видя в собеседнике единомышленника. “Другие уже сказали, отныне буду говорить я” – так Сассен собирался озаглавить свою книгу, впрочем, так и не изданную.

Так вот, “ничтожный бюрократ”, который, по Арендт, “не был способен думать”, рассуждал – ни больше ни меньше – о философии Канта. И, разумеется, о “еврейской политике”. “Если бы мы убили 10,3 миллиона наших заклятых врагов, то только тогда наша миссия была бы выполненной”, – говорил Эйхман. Стало быть, считал порученное задание невыполненным – не всех евреев Европы удалось уничтожить.

Справедливости ради надо сказать, что к аргентинским документам Арендт доступа иметь не могла. И посему ошибалась относительно глубины эйхмановского антисемитизма. Правда, антисемитизм был широко распространен в среде национал-социалистов, в этом смысле он был вполне обычен, банален. В той же степени банальным было зло, которое творилось не монстрами, а обыкновенными, ничем не выделяющимися людьми.

Обыденному сознанию трудно смириться с этой мыслью по причинам психологического свойства. Выходит, страшные преступления совершаются такими же людьми, как мы с вами? Выходит, от любого при определенных обстоятельствах можно ожидать чего угодно? Или все же не от любого?

Как полагает Максимилиан Ауэ, эсэсовец-интеллектуал из романа Джона Лителла “Благоволительницы”, “об Эйхмане писали много глупостей. Он, конечно, не был врагом человечества”. Тем более что бесчеловечности вообще, по его мнению, не существует, все, что есть, – человеческое и еще раз человеческое.

Если вы думаете, что эсэсовцы состояли, как нас учили, сплошь из тупых лавочников, то ошибаетесь. 6 из 15 командиров айнзатцгрупп и айнзатцкоманд на востоке имели докторскую степень, половина из 14 участников Ванзейской конференции были докторами права. Среди 23 эсэсовцев, осужденных в 1948 году американским трибуналом в Нюрнберге (в их числе командиры айнзатцгрупп Отто Олендорф и Гейнц Йост), были экономисты, адвокаты, архитектор, оперный певец, дантист и даже бывший священник. И все, представьте, многословно доказывали судье Майклу Масманно (тот потом написал об этом целую книгу), что к евреям не питают и не питали никакой ненависти, просто действовали по приказу, старались производить казни милосердно, с одного выстрела в затылок, и сами страдали, выполняя адскую работу.

Персонаж романа Лителла и сам рад бы найти тихую бумажную работу в тылу, но тем не менее берет в руки пистолет и идет добывать умирающих евреев. По команде реального исторического персонажа – обергруппенфюрера СС Фридриха Еккельна.

“Еккельн рассудил, что траншеи заполняются слишком быстро; тела падали как придется, беспорядочно; много места пропадало зря, на рытье новых ям тратилось время; а так приговоренные, раздевшись, ложились ничком на дно могилы, стрелки стреляли в упор им в затылок... Потом офицер осматривал ряд и убеждался, что приговоренные мертвы; после этого тела покрывали тонким слоем земли и на них валетом ложилась следующая группа; когда накапливалось пять-шесть рядов, яму засыпали”.

Задолго до Хёсса с его газовыми камерами Еккельн усовершенствовал метод массовых убийств, цинично назвав его “укладкой сардин” (*Sardinenpackung*).

Психология зла – 1

– Что есть зло? – спросил я у Сергея Ениколопова, психолога с мировым именем и едва ли не единственного в России специалиста по психологии зла. Его ответ меня слегка разочаровал.

– Зло, – ответил он, – результат обычных психологических процессов и их проявлений в поведении.

– Обычных ли? Неужели сила нацистского зла такова, что способна превратить в аморальных существ самых обычных людей?

– Да, обычных – в том смысле, что не безумных. Само явление масштабного зла, такого как геноцид, с трудом вмещается в наше сознание – оно бросает вызов рациональному пониманию, воспринимается как бессмысленное, иррациональное, как проявление безумия. Отсюда разговоры о паранойе Гитлера или Сталина. Это создает иллюзию объяснения, но никак не объясняет поведения соучастников Большого зла.

– Так что же заставляет человека участвовать в злых действиях? Ведь преступники, как и мы, воспринимают свои действия как шокирующие и отвратительные, так?

– Нет, не так. Они могут видеть все иначе и совершать массовые убийства для реализации своих идеалов, утопических проектов. Самое большое число жертв в истории пришлось, как известно, именно на них.

Тот, кто начал Холокост

Имя Фридриха Еккельна, высшего фюрера СС и полиции на юге, а потом на севере России, упомянуто в сотнях исторических трудов, однако большинству из нас ни о чем не скажет. А ведь так звали человека, который начал Холокост. Впрочем, слово “человек” здесь можно употребить разве что условно.

Фридрих Еккельн был первым, кто стал убивать в невиданном доселе масштабе. Мужчин и женщин. Стариков и детей. Палач Бабьего Яра и Рижского гетто, организатор “большой акции” в Бердичеве, о которой рассказал в “Черной книге” Василий Гроссман. Нет, пожалуй, ни одного сколько-нибудь заметного злодеяния на оккупированной территории СССР, к которому он был бы непричастен.

Советский суд, перед которым предстал Фридрих Еккельн, на евреях не особо акцентировал внимание, а воспоминаний советские судьи не оставляли. В судебном приговоре “истребление еврейского населения” стоит на последнем месте, после “арестов и истребления советских, партийных и профсоюзных активистов, деятелей науки и искусства”, “массовых арестов мирных советских граждан”.

Еккельна судили зимой 1946 года в советской Риге. В зале Дома офицеров, где заседал военный трибунал Прибалтийского военного округа, рядом с ним на скамье подсудимых сидели еще пять гитлеровских генералов и один полковник – Зигфрид Руфф, Альбрехт Дижон фон Монтетон, Фридрих Вертер, Бруно Павель, Ганс Кюппер и Александр Беккинг. 3 февраля, на другой день после вынесения приговора, неподалеку, на площади Победы, все они были повешены. Такой, можно сказать, советский Нюрнберг.

Из материалов архивного уголовного дела (а это 20 пухлых томов по полтысячи страниц каждый) трудно понять, что это был за персонаж. К тому же процесс имел все присущие сталинской юстиции особенности. И все же в тех томах есть много такого, что способно пролить свет на личность интересующего меня лица.

– По каким мотивам уничтожали граждан еврейской национальности?

– По пропаганде, евреи должны были расстреливаться, потому что не могли продуктивно работать и жили как паразит в теле германского народа.

Отвечая на вопрос прокурора, Еккельн вторил Гиммлеру, приравнявшему евреев к “паразитам, подлежащим уничтожению”. Но, как заметил Станислав Лем в своей “Провокации”, “Гиммлер лгал, паразитов не подвергают мукам намеренно... Население гетто вымерло бы самое позднее лет через 40, если учесть, как стремительно оно сокращалось от голода, болезней и непосильного принудительного труда. Следовательно, выбор кровавой развязки не был продиктован ничем, кроме как желанием убивать”.

– Вы, конечно, разделяли точку зрения относительно евреев?

– Я эту точку зрения разделял, как большинство немцев.

Пусть так, недаром Ханна Арендт в опубликованной в 1944 году статье “Организованная вина” назвала немцев “народом, в котором так эффективно стерта черта, отделяющая преступников от нормальных людей”. И все же Еккельн лукавил. Он не просто разделял эту людоедскую точку зрения.

Защита (адвокат Миловидов). Вопрос свидетелю Фрицу Блашеку, бывшему руководителю строительной группы войск СС и полиции (одному из подчиненных Еккельна):

– Когда Еккельн рассказывал о планах уничтожения евреев, как считает свидетель, было ли это личным планом Еккельна или программой той партии, членом которой состоял подсудимый?

– Личного мнения мы почти не имели. Еккельн был, однако, одним из тех, которые делали мнение. Среди этих делающих мнение было трудно иметь собственное мнение. Это касается не только меня, а в основном всего германского народа.

– Больше у меня вопросов нет.

Я держал их в руках, правда, не все 20, а только три тома с грифом “Секретно”, с которыми мне любезно предоставили возможность ознакомиться в Центральном архиве ФСБ. Но, по счастью, копии остальных томов материалов дела, пусть и с отдельными изъятиями, оказались в библиотеке вашингтонского Мемориального музея Холокоста, причем в свободном, заметьте, доступе. Правда, там недоставало протокола судебного заседания, без которого вообще невозможно судить о процессе, – его мне разрешили изучить в Москве. Так что все-таки прав был Карл Радек, заметивший однажды: “Вершина знаний о человеке – архивы НКВД”.

В музее Яд Вашем в Иерусалиме нашлись копии 140 оригинальных документов из личного дела Еккельна, хранившегося в Главном управлении кадров СС в Берлине. Среди них – четыре анкеты (заполненные в 1935, 1936, 1937, 1939 годах), представления о награждении, выписки из приказов, телеграммы, поздравления Еккельна, адресованные его начальникам и товарищам по нацистской партии и СС, газетные публикации, где упоминается его фамилия.

Судя по всему, Еккельн стремился подчистить свое личное дело, заботясь о том, чтобы в нем были только те документы, которые показывали его с лучшей стороны. Во всяком случае, там есть несколько писем с просьбой внести те или иные пометки – когда и чем его наградили, присвоили очередное звание. Пришлось по крупницам собирать о нем сведения, рассыпанные по сохранившимся документам и немецким источникам. Но я сам никогда не одолел бы их массив, кабы не помощь историков Ильи Альтмана, Ивана Ковтуна, Никиты Петрова, Леонида Терушкина (Россия), Вадима Альцкана (США), Менахема Баркана, Григория Смирин (Латвия), Арона Шнеера, Полины Идельсон (Израиль), Хуберта Куберского (Польша) и примкнувшей к ним израильской пенсионерки Раисы Школьник, которая, узнав о моих планах из соцсетей, предложила перевести интересующие меня материалы с иврита.

Свидетель

И еще, конечно, Маргер Вестерман, 92-летний историк, основатель еврейского музея Риги. Он лично видел Еккельна. Дважды.

Первый раз – 9 декабря 1941 года на улице Лудзас, разделявшей пополам Рижское гетто. “Большого гетто” уже не существовало, все 25 тысяч его узников были убиты, одни – 1 декабря, другие – 8-го. 9 декабря в час дня 16-летний Маргер Вестерман из отгороженного “Малого гетто” увидел идущего по улице высокого эсэсовца в распахнутой генеральской шинели и с пистолетом в руке. По ту сторону улицы все еще шла зачистка, эсэсовцы искали спрятавшихся, раздавались выстрелы. От знакомого из полиции гетто он узнал, что это был тот, кто отдал приказ об уничтожении, – Фридрих Еккельн.

Второй раз он увидел Еккельна 3 февраля 1946 года на площади Победы. “Мы шли на казнь как на праздник, – рассказывал он мне. – Когда его вешали, мы с Яковом Баснером (еще один выживший узник гетто) кричали и плакали”.

“Я еще не дождался осуждения всех убийц”, – помолчав, добавил Вестерман. И признался, что все минувшие годы живет одним чувством. Кто-то мог бы назвать его жаждой мести, но это будет ошибкой. Речь всего лишь о справедливости, справедливом возмездии, если хотите.

Три источника

Хотел бы упомянуть еще трех действующих лиц, с которыми я никогда не встречался, но без них вряд ли сложилась бы эта книга.

...Лет 10 назад я думать не думал о Еккельне, однако, наткнувшись в книжном магазине в Риге на толстую книгу о Рижском процессе, не удержался и купил ее. Множество ссылок и фото – автору, в отличие от меня, удалось ознакомиться со всеми материалами дела, сразу видно – серьезный труд. “Эшафот (О суде над немецкими генералами в Риге)” – так называлась эта книга, написанная Андрисом Грутупсом. Автор, как сразу выяснилось благодаря “Википедии”, в недалеком прошлом мой коллега, бывший сотрудник советской прокуратуры, а в новые времена – известный адвокат, один из 100 латвийских миллионеров.

Но стоило мне начать читать, как я с удивлением обнаружил прям-таки апологетические пассажи: “Еккельн вину признал, сделал это честно и мужественно. По-разному можно оценивать этого человека. Но нельзя отрицать отваги генерала. Такое поведение всегда вызывает уважение... Что-то в этом человеке потрясло. Обвиняемый не оправдывался, не выкручивался...” Нечто подобное мне позже попало на сайте немецких неонацистов с символическим названием: “Я немец, я не преступник”. Еккельн, сказано там, на процессе вел себя гордо и – несломленный – умер по-геройски.

От знакомых рижан я узнал, что автор был изрядным антисемитом, винившим евреев во всем и в особенности в затеянных против него лично интригах. При этом, по свидетельству Маргера Вестермана, Грутупс не раз заходил в рижский музей “Евреи в Латвии”, и потому для его основателя выход “Эшафота” был взрывом бомбы. Естественно, он не принял приглашение на презентацию книги в ресторане “Зеленый попугай” и больше с ее автором не здоровался.

Грутупса больше нет, он покоится на Лесном кладбище под дорогим памятником, который поставил сам себе за несколько лет до совершенного в 2014 году самоубийства. Но книга его живет. Автор успел подарить ее 277 латвийским школам. Так что, возможно, его взгляды прорастают в новом поколении, выросшем в постсоветские годы, на глазах которого проходили шествия бывших легионеров Ваффен-СС. Впрочем, как заметил упоминавшийся уже историк Григорий Смирин, вряд ли кто-то из детей смог осилить книгу Грутупса, поскольку она “страшно нудная”.

...Андрис Грутупс и Петр Крупников – оба рижане и полные антиподы. Один – едва ли не первым изучил материалы процесса и написал о нем толстый том, другой – сам был на том процессе переводчиком. Между прочим, последний не раз упомянут в “Эшафоте”, с обязательным указанием – “еврей Крупников”.

“В начале января 1946 года, будучи в Риге, я встретил на улице знакомую даму, которая сказала, что ужасно не хватает переводчиков, ибо готовится процесс, – рассказывал Крупников спустя годы. – Другие кандидаты в переводчики были в основном женщины и раненые мужчины, в то время как я все еще был командиром роты... Понравилась моя выправка, меня приняли, хотя погрозили пальцем: если бы не процесс, то за самоволку меня бы призвали к ответственности”. В Риге он был в самовольной отлучке. Ну, не вполне в самовольной. “Если тебя поймут, ты будешь дезертиром, – сказал ему командир полка, – если не поймут, пей сколько хочешь”. Таким, по его словам, было время: “Если человек в 1941 году договорился с товарищами встретиться после войны, то его не могли не отпустить, даже если “не положено”.

Став переводчиком на процессе, Крупников захотел воспользоваться возможностью поговорить с обвиняемыми и отправился в одну из актерских уборных Дома офицеров, где их держали в перерывах. “Солдат охраны меня туда не пускал. Я пошел к председателю суда и сказал, что хочу попасть к обвиняемым. “Зачем вам это нужно?” – “Я историк, хочу поговорить с ними”. Он позвал коменданта – так я получил пропуск с особым примечанием, что могу

ходить к подсудимым. Там сидели Еккельн, Павель и еще некоторые. Мы совершенно спокойно говорили о всяких вещах. К тому же они говорили охотно. Когда я позднее об этом рассказывал, многие мне не верили”. Мы поверим и воспользуемся в дальнейшем его свидетельством.

...И, наконец, третий персонаж, его глазами я увидел некоторые страницы биографии Еккельна, – Бруно Штреккенбах, группенфюрер СС, генерал-лейтенант войск СС и полиции, занимавший в начале войны один из самых высоких постов в эсэсовской иерархии – начальника 1-го отделения РСХА, персонально ведавшего кадрами убийц.

Личные документы Еккельна сгорели в доме во время бомбежки Брауншвейга англо-американской авиацией. “... Мой дом был полностью разрушен террористическим нападением и сожжен, – писал Еккельн 25 ноября 1944 года начальнику Главного управления кадров СС фон Герфу из Либау. – После того как станет немного спокойнее, я, возможно, смогу восстановить по памяти моменты моей биографии, но главное – смогу записать эти данные в личную анкету”. Не смог, не успел.

По каким-то не известным мне причинам в хранящейся в Яд Вашем копии личного дела Еккельна из эсэсовской канцелярии почти ничего нет о его службе в СС и полиции до 1939 года. Ну, за исключением перечня должностей и регалий. Тут-то мне и пригодились материалы уголовного дела по обвинению Бруно Штреккенбаха, скопированные сотрудниками вашингтонского музея Холокоста.

9 мая 1945 года Штреккенбах, будучи командиром 19-й Латышской добровольческой дивизии СС, попал в советский плен. В мундире унтер-офицера, на который сменил свой генеральский китель. В чем он признался на первом же допросе. Этих допросов потом было великое множество, следствие тянулось аж семь лет, суд над Штреккенбахом состоялся только в 1952 году. Высокопоставленного убийцу, в отличие от Еккельна, не казнили, осудили к 25 годам тюрьмы – к моменту суда над ним действовал указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 года “Об отказе от смертной казни”. В 1955 году Штреккенбах вместе с другими военнопленными благополучно вернулся в Германию, умер своей смертью в 1977 году в Гамбурге – городе, где начинал свою карьеру в должности начальника гестапо.

Помимо протоколов допросов в материалах его дела чудесным образом оказались документы, которые обычно хранятся в других местах, – многостраничные пояснения Штреккенбаха по вопросам, не имевшим значения для обвинения, но интересовавшим советскую разведку и контрразведку. В них он подробно рассказывал о характере своей службы, давал характеристики сослуживцам, делился именами и приметам агентов. Есть там и характеристика Еккельна, и, главное, по этим документам можно составить представление о том, чем тот занимался в довоенные годы.

Не просто работа

...Не раз задавал я себе вопрос: что заставляет меня копаться в страшных документах, после чтения которых не спишь ночами, воображая состояние людей, спускавшихся в рвы смерти и укладывавшихся на тела убитых минутой раньше? Зачем пытаюсь сложить по крупицам личность одного из самых больших злодеев страшной войны? Настоящего, отнюдь не кабинетного убийцы, где-то далеко готовившего бумаги об убийстве абстрактных миллионов. Еккельн, в отличие от Эйхмана – “бухгалтера смерти”, – был из тех, кто сам отдавал преступные приказы и подавал пример их исполнения.

Для Еккельна творимое им зло было не просто работой, позволявшей ему самовыражаться, он сам был беспримесным злом. Впрочем, сказать это, подразумевая, что он был бандит и садист, – значит упростить проблему, и в результате получится та же банальность, только с обратным знаком. Мало поможет и ссылка на антисемитизм – это всего лишь “такой хороший показатель наличия зла в человеке” (Эндрю Клейвен). Потому-то я и попытался просто вникнуть в обстоятельства жизни одного из его носителей.

В общем-то ясно, как должно было быть устроено государство, чтобы такие, как Еккельн, получили возможность безнаказанно злодействовать. Но ведь и оно само – кровное детище таких, как Еккельн, вот в чем дело.

Когда мир узнал о Холокосте, перевернулись все представления о зле – Холокост стал его мериллом. Но безмерное зло совершалось людьми. На последующих страницах вы увидите одного из них – отстающего ученика, рано оставшегося без отца, завидующего успешным одноклассникам-евреям, после – храброго добровольца, произведенного в офицеры на мировой войне и никому не нужного после нее, виновного в поражении тех же евреев, и, наконец, фанатичного нациста, сполна компенсировавшего свои прежние жизненные неудачи фантастической карьерой, а в частной сфере – донжуана, психопата и алкоголика. Увидите его среди соотечественников, униженных Версалем и поверивших лидеру нации, в компании соратников, любителей красивой формы и исполнителей преступных приказов – еще до того, как мир заплатил за их обиды и неустроенность. Это ведь они убивали, а не Гитлер с Гиммлером, восседавшие наверху кровавой пирамиды. Больше того, не без их участия страшная логика завела вождей рейха туда, куда она их завела.

Материала к биографии Еккельна, как я уже говорил, сохранилось немного, так что иногда у меня возникал соблазн домыслить тот или иной эпизод или даже плюнуть на проделанную работу и написать собирательный образ высокопоставленного эсэсовца, придав выдуманному персонажу черты Еккельна. От этой идеи я отказался после того, как прочитал книгу Лорана Бине “НННН” о Рейнхарде Гейдрихе. Бине говорит, что “придумывать персонажей для лучшего понимания исторических фактов – все равно что подделывать доказательства” или даже “приносить отягчающие улики на место преступления, когда их там и так полно”. Так что я не стал ничего придумывать, и в книге, которую вы держите в руках, писал только правду, “не торопясь вязать за связью связь, на цыпочки стиха не становясь, метафоры брезгливо убирая...” (Борис Слуцкий).

Между прочим, Лоран Бине назвал жанр своего повествования неизвестным науке термином “инфрароман”. Согласно словарям, “инфра” (лат. *infra-*) – приставка, означающая “нахождение ниже чего-либо, под чем-либо”. Моя книга по жанру еще ниже, чем “недороман”, и вообще никакой не роман. Впрочем, боюсь, она не дотягивает и до исторического труда, слишком много в ней отвлечений, заинтересовавших меня личных историй. Эти истории порой лишь косвенно относятся к центральному персонажу книги, но они столь драматичны, что я просто не мог пройти мимо. Сами подумайте: мог ли я не поделиться историей спасенной одним из палачей девушки из Рижского гетто, если мне в руки попал никогда не публиковав-

шийся документ о ее удивительной судьбе? Или историей митрополита, создателя Псковской православной миссии, в чьем убийстве обвинялся Еккельн?

Вот почему пришлось придумывать термин для обозначения жанра своего повествования – “архивная драма”. В этой “драме” множество актов и явлений, коротких эпизодов, и, хотя все они основаны на бесстрастных документах, едва ли не в каждом – сюжет, да еще какой.

Глава 1

“Трех против крови”

Ничто не предвещало, что он станет одним из величайших злодеев мировой войны. Фридрих Еккельн происходил из вполне приличной бюргерской семьи. Родился в 1895 году в Хорнберге, маленьком городке в Шварцвальде. Город стоит на знаменитой “Дороге замков и дворцов”, неподалеку – крепость XI века, окруженная “виноградными склонами, которые спускаются к романтической долине Некар”. Так пишут в путеводителях. Там упоминаются и наиболее известные уроженцы Хорнберга – банкир из Гамбурга да директор Баденской государственной пивоварни. Сейчас в городе живет немногим больше 4 тысяч человек.

На месте, где стоит завод по выпуску приборов точной механики и электротехники, в конце XIX века была швейная фабрика, там шили белье. Ее владелец Генрих-Теодор Еккельн переехал в Хорнберг из Нассау, где его отец Август Еккельн служил пастором лютеранской церкви. В 1892 году Генрих-Теодор сочетался здесь браком с 18-летней Эммой Розин Тротвайн, а через семь лет умер. За это время родилось шестеро детей. После смерти мужа молодая вдова с детьми переехала во Фрайбург.

Высшее без среднего

О детстве и юности Еккельна известно мало, можно сказать, почти ничего. На вопросы анкет, хранившихся в Главном управлении кадров СС, он отвечал крайне противоречиво. 19 сентября 1935 года на вопрос “Посещали ли Вы среднюю школу? Сколько классов?” Еккельн чернильным пером делает две косые черты, обозначающие прочерк. Зато против графы “Высшая школа” – стоит “да”. “Какая высшая школа?” – “Политехникум”, без уточнения, что это за заведение.

В анкете от 19 мая 1939 года на одной и той же странице – взаимоисключающие ответы. На вопрос “Посещали ли Вы высшую школу?” Еккельн отвечает: да, посещал. “Есть ли у Вас аттестат зрелости?” – “Нет”. Просто-таки один из персонажей Аркадия Райкина: “Имею высшее образование, но не имею среднего”.

Единственное, что в этой анкете похоже на правду, это сообщение Еккельна, что он окончил народную школу. На уточняющий вопрос: “Сколько классов?” – ответ: “Четыре года”.

В то время в Германии народная школа была школой для бедных. Ее задачей была подготовка детей к практической жизни. В нее входила единая четырехлетняя первая ступень, обязательная для детей от 6 до 10 лет и вторая для 10–14-летних. Скорее всего, Еккельн в анкете имел в виду вторую ступень.

Со слов дочери, он посещал еще реальное училище (по-видимому, политехническую школу в Кетене). В нем, как и в гимназии, давалось среднее образование – и там и там с платой за обучение. В военные годы он пожаловался в письме к любовнице, что в реальном училище не был допущен до выпускных экзаменов и потому оказался единственным в большой семье мужчиной, не получившим среднего образования.

Достоверный факт – в 1911 году 15-летний Фридрих бросил учебу и пошел работать на машиностроительный завод. Кем он мог там работать? Вероятно, был на грязной и малооплачиваемой работе. Для буржуазной семьи это весьма необычно. Что с ним тогда случилось, неизвестно, скорее всего, просто не тянул учебу, но это что-то мучило Еккельна всю последующую жизнь. Во всяком случае, с тех пор он всегда проявлял упорство в достижении цели и никогда – простое человеческое сочувствие, препятствовавшее ее достижению.

Кавалер Железного креста

1 октября 1913 года началась его служба в армии. 18-летнего Еккельна могли призвать только по его инициативе (призыв был с 19 лет) – таким, как он, самая дорога в армию. Меньше чем через год началась Первая мировая война, которую он встретил в 76-м Баденском полку полевой артиллерии.

Воевал он, судя по всему, хорошо. Был ранен. В 1916 году Еккельна наградили Железным крестом II класса и произвели в лейтенанты. В конце войны он поступил в летную военную школу и в 1917 году стал пилотом в молодом тогда германском авиационном корпусе. Собираясь после войны продолжить карьеру в военной авиации, но Версальский договор запретил Германии иметь военно-воздушные силы, да и сухопутную армию ограничил до 100 тысяч человек. В новый рейхсвер брали только самых подготовленных офицеров, и Еккельну, вероятно, из-за отсутствия диплома, места не нашлось. Возможно, были и проблемы со здоровьем – в одном из писем Гиммлеру он пишет, что “не был тогда годен к строевой службе”.

В январе 1919 года Еккельн уходит из армии. Возможно, останься он там, его жизнь сложилась бы иначе. Но его ожидала иная карьера – нацистская партия и СС, постепенное превращение в убийцу.

“После войны – самостоятельная деятельность в качестве инженера”, – пишет он в 1939 году в анкете в графе “Гражданская профессия”. Очевидно, что отсутствие высшего образования и на пике карьеры являлось для Еккельна большой темой. Налицо явный комплекс неполноценности – никаким инженером Еккельн, конечно же, не был.

13 мая 1918 года Фридрих женился на Шарлотте Хирш, девушке, хотя и “абсолютно чистой в расовом отношении, но приемной дочери полуеврея”. Так спустя полвека после его смерти рассказывала Петру Крупникову незаконнорожденная дочь Еккельна Рената. С ее же слов, Фридриха вскоре уволили, и отчим жены “подбросил ему немного денег”. Опять получил работу и опять был уволен. Давая очередную сумму, Пауль Хирш выговорил зятю: “Если мужчина женился, то ему следует работать так, чтобы он мог содержать свою жену”. То, что еврей или наполовину еврей мог сказать такое ему, германскому офицеру, вызвало у Еккельна фантастическую лавину гнева.

“Расово грязная” женитьба

Антисемитом Фридрих был со школьных лет. В его классе учились два еврейских мальчика, окончившие реальное училище блестяще, – об этом неприятном факте он вспоминал в письме матери Ренаты спустя десятилетия.

Благодаря принятой в 1871 году Конституции евреев в Германии признали равноправными гражданами, однако они по-прежнему подвергались дискриминации. И даже ассимиляция не помогла это преодолеть. Будущий рейхсмаршал Герман Геринг был двумя годами старше Еккельна. Однажды в школе, получив задание написать сочинение о героях, он посвятил его своему крестному – Герману фон Эпенштайну, у которого были еврейские корни. Это вызвало всеобщее возмущение со стороны окружающих. Учитель в качестве наказания заставил Геринга 100 раз написать в тетради: “Я не буду писать сочинения во славу евреев”. А соученики принудили ходить по школьному двору с табличкой на шее – “Мой крестный отец – еврей”.

...Предоставим слово Еккельну: “Я сочетался браком в возрасте 23 лет, – писал он Гиммлеру в 1932 году. – ... Вначале брак был счастливым, так как не существовало экономических проблем”. И дальше все шло бы хорошо, кабы не тесть. “Мое намерение состояло в том, чтобы остаться в армии. Сразу после революции отец моей первой жены обратился ко мне с наглым требованием перебраться на восток, где он намеревался купить недвижимость. После долгих колебаний я согласился, ушел в январе 1919 года в отставку”.

Еккельн лжет, будто его кто-то в армии удерживал. Вероятно, лжив и последующий рассказ: “Господин Хирш, имея низкий уровень образования (кто бы говорил! – Л.С.), был вспыльчивым человеком... Имел сварливый характер и стремился сделать из меня послушное орудие для своих планов”.

В этих планах, похоже, не было ничего худого. Пауль Хирш приобрел на имя дочери большое поместье в Траппенфельде, на Еккельна легли обязанности управляющего. Но с фермерством у него не заладилось, что вновь привело к острым конфликтам с тестем. Правда, сам он объяснял это тем, что в отличие от Хирша “имел понятие о совести и чести” и потому “в скором времени пришел в состояние отчужденности по отношению к моей первой жене, что произошло благодаря господину Хиршу”.

“Я часто отсутствовал дома, был в кругу друзей – бывших офицеров. В кругу друзей я находил забвение от многих внутренних конфликтов, и я должен сказать, что в последние два года значительно предавался употреблению алкоголя. В этих условиях брак начал разрушаться, так как между нами не существовало никакой психологической связи. Только дети были еще связующим звеном”. В 1924 году он “ушел, чтобы начать новую жизнь”. Но вскоре вернулся, правда, попросил жену “передать господину Хиршу предостережение больше не переступать порог его домашнего очага, иначе я не мог гарантировать, что не застрелю его, как бешеную собаку”. Еккельн окончательно оставил Траппенфельд 27 июля 1925 года.

“Брак развалился на куски”, как пишет Еккельн, когда у него “появилась твердая уверенность, что Хирш – еврей. Осознание этого факта было самым трудным ударом в моей жизни”. Впрочем, скорее всего, Хирш не имел к евреям никакого отношения, сам Еккельн утверждал, что тот даже не был похож на еврея внешне. Отчего же он пришел к выводу о еврейском происхождении тестя? Оттого лишь, что человек, занимавшийся во время послевоенной инфляции спекулятивными сделками, “парвеню в самом дурном смысле этого слова”, мог быть только евреем.

Его размышления о евреях носили не только “классовый”, но и расовый характер. В 1921 году Еккельн прочитал один нашумевший в то время антисемитский опус. “Я сомневался в

еврейском происхождении Хирша, – писал он Гиммлеру. – В лице ничего еврейского. Скорее наоборот. Но книга убедила меня. Она внесла ясность. Хирш был евреем”.

Что же это за книга, позволяющая безошибочно распознать врага-еврея? Это роман Артура Динтера “Грех против крови” (“*Die Sünde wider das Blut*”), впервые изданный в 1917 году в Веймаре и скоро ставший бестселлером (тираж к 1934 году превысил 260 тысяч экземпляров). Динтер, вступивший в НСДАП в 1925 году и получивший партбилет № 5 (Гитлер имел билет № 7), был одним из самых радикальных антисемитов своего времени. Скажем, он утверждал, что после замужества за евреем арийская женщина в повторном браке с арийским супругом будет рожать детей с примесью еврейской крови. Именно этот бред привел Еккельна, по его собственному признанию, “к осознанию решающего значения расы в человеческой жизни”.

Не известно, как адресат письма относился к книге Динтера. Зато благодаря дневнику Гиммлера известно, что с лета 1922-го по лето 1924 года тот прочел 81 книгу, почти половина из которых – антисемитского характера (о женщинах-нееврейках, соблазненных евреями и т. п.).

...Так Еккельн пришел к выводу: его брак, в котором родилось трое детей, был “расово грязным” (*rassisch verseucht*) – и в 1927 году принял решение развестись. Принять-то принял, да на развод в феврале 1927 года подала его жена. И поводом для развода было совсем другое. “Я был обвинен в прелюбодеянии в нескольких случаях, однако показания, данные свидетелями под присягой, оказались малоубедительными”. Как обычно, Еккельн сам себе противоречит и далее сообщает: “В ноябре 1927 года был юридически оформлен развод, и я был объявлен единственным виновником неблагоприятных отношений, которые привели к таким событиям”.

Психология зла – 2

– Что же в детстве и юности Еккельна могло привести впоследствии к тем жесточайшим преступлениям, которые он совершил?

– Слишком мало известно о том, как его, рано оставшегося без отца, воспитывали, с кем он идентифицировался, – продолжает Сергей Ениколопов. Принято считать, что фашистские взгляды чаще всего возникали из-за авторитарной системы воспитания с жестким подчинением отцу. Но на деле в семье у многих нацистских преступников отца не было. Гитлер заменил кому-то отца, кому-то – старшего брата.

– “Безотчетная ненависть, сладострастная жажда истребления, – писал Лев Гинзбург в книге “Цена пепла”, – были той силой, которая вовлекала в фашистскую партию людей с извращенной психикой, неврастеников, хулиганов, озлобленных неудачников”. Насколько это так?

– Еккельн – типичный психопат, их немало среди насильственных преступников. У таких – асоциальное расстройство личности, не связанное, однако, с острым психозом. Социопаты, как их часто называют, совершают асоциальные действия, могут идти по головам, все прекрасно осознавая. Они не сумасшедшие, им просто свойственно отсутствие эмпатии, они нечувствительны к страданиям других. Между прочим, ведущий диагностический признак, характеризующий такого психопата, – вовсе не агрессия, а лживость.

– Понятно, он лгал, заполняя пункты анкет об образовании. Но ведь в рассказе о своей семейной неудаче он, похоже, был искренен.

– Возможно, причина развода вовсе не в тесте, как Еккельн уверяет. Это ведь жена должна была корить мужа за то, что он не в состоянии прокормить семью. И это сильно уязвляло его самолюбие, было угрозой для самооценки. Свои личные проблемы с женой он мог перенести на тестя. А параллельно он читает книгу, и все становится на места. Найденное объяснение позволяет снять с себя ответственность – ведь все его проблемы из-за евреев.

Друзья

Как мы помним, Еккельн заливал вином свои семейные и прочие неудачи в компании бывших фронтовиков. В этом смысле он был довольно-таки типичным представителем “поколения девятисотых”, к которому принадлежали Шпеер, Борман и многие другие высокопоставленные нацисты.

“Мы ожесточились и не доверяли никому, кроме ближайшего товарища, – говорил один из героев ремарковских “Трех товарищей”. – Все рушилось, фальсифицировалось и забывалось. А тому, кто не умел забывать, оставались только бессилие, отчаяние, безразличие и водка. Прошло время великих человеческих и мужественных мечтаний. Торжествовали дельцы. Продажность. Нищета”. В этом все они, представители “потерянного поколения”, сходились. Дальше шли расхождения. Кто-то, как сам Ремарк (тоже награжденный на войне Железным крестом), становился пацифистом, но куда больше было таких, как Еккельн, кто хорошо себя чувствовал только на военной службе и верил в то, что социальный порядок строится на дисциплине и солдатских добродетелях. А коли в обществе нет порядка, им нужна была военизированная организация, способная обустроить общество. Из ветеранских организаций тех лет вышло немало будущих убийц.

...В той же анкете Еккельн сообщал, что с 1922 по 1924 год был членом Младотевтонского ордена (“Юнгдо”) – националистического антисемитского союза, основанного на общей волне переживания поражения в войне и желания многих восстановить рейх. Еккельн, как и другие, никак не мог понять, как и почему Германия капитулировала, ведь ее армии были на чужой территории. Причиной не могло быть ничто иное, как удар ножом в спину, предательство политиков. Левых политиков. Большинство из них были евреи, что и требовалось доказать.

Миф о роли евреев в Первую мировую родился именно таким образом. Еврей стал символом левого политика и одновременно капиталиста-эксплуататора – одно другому не мешало.

Возможно, у “Юнгдо” рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер позаимствовал строгие ритуалы и саму идею своей “черной гвардии” как “ордена нордических мужей”. Правда, после прихода Гитлера к власти Младотевтонский орден был распущен, а его магистр – подполковник Артур Мараун – арестован и заключен в концлагерь. Ничего удивительного. И Сталин, говоривший о своей коммунистической партии как об “ордене меченосцев”, от старых большевиков предпочитал избавляться.

Помимо Еккельна из ордена вышли Гейнц Йост и Вальтер Хенш, одно время командовавшие айнзатцгруппами (А и С). Настоящая кузница палаческих кадров. За малым исключением.

...В июне 1941-го, за несколько дней до нападения немцев, Сталину была доставлена шифрограмма, предупреждавшая, что германская агрессия может начаться с минуты на минуту. Хорошо известна виза вождя на документе: “Т-щу Меркулову. Может, послать ваш “источник” из штаба герм. авиации к е...ной матери. Это не “источник”, а дезинформатор. И. Ст.”. Менее известно, что “дезинформатор”, обер-лейтенант Харро Шульце-Бойзен (агентурный псевдоним Старшина), служивший в Генеральном штабе люфтваффе, в 1920-е годы был членом Младотевтонского ордена. Правда, он, в отличие от многих своих соратников при гитлеровском режиме, не сделал карьеру, и симпатии этого германского офицера плавно перешли от национал-социализма к социализму в его сталинской версии. В 1936 году он начал сотрудничать с советской разведкой, за что в декабре 1942 года был повешен по приговору военного суда рейха.

Неудачник

“В течение двух первых лет после ухода из Траппенфельда дела мои оставляли желать лучшего. Я был внутренне разбит и экономически разорен, обустроить свою жизнь мне не удалось. Насколько было возможно, я посылал детям небольшие суммы денег в особых случаях, это были суммы 10 или 20 рейхсмарок, это всегда были мои последние деньги”.

Скорее всего, Еккельн, как обычно, лжет. Иначе Шарлотта Хирш-Еккельн не обращалась бы 5 февраля 1932 года с письмом к Гитлеру и не просила бы “повлиять на Фридриха, который в течение почти семи лет не платил алименты, так что ей пришлось выставить принадлежащую ей землю на продажу”.

Письмо (оно сохранилось в личном деле Еккельна) было отправлено в канун президентских выборов 1932 года, тех самых, на которых Гитлер уступил победу Гинденбургу. В нем Шарлотта патетически ссылается на ту “помощь, которую Гитлер оказывает всем немцам”, и добавляет: “Так, может быть, вы окажете помощь трем немецким детям?”

Расчет ее не оправдался, жалоба была переправлена рейхсфюреру СС, а тот прикрыл своего подчиненного. Правда, было проведено внутреннее расследование, у Еккельна отобрали объяснения. В них он привел беспроницаемый аргумент, указав, что его тесть являлся “типичным евреем”, “обладал всеми типично еврейскими качествами”. Этого было достаточно.

25 февраля 1932 года Гиммлер сообщил госпоже Хирш-Еккельн, что ее бывший муж зарплату в СС не получает, поэтому ее требования необоснованны. В то же время Еккельн, как указано в письме, готов взять детей от первого брака под свою опеку. При этом никак не объяснялось, почему же, если он мог взять опеку над детьми, не был в состоянии платить алименты (между прочим, по решению суда). Еккельн опасался, что жалоба подорвет его позиции в партии и СС, а получилось, напротив, укрепила.

К тому моменту Еккельн женится вновь (в 1928 году), и вновь на богатой невесте – на 21-летней Аннемари Винсс, происходившей из состоятельной семьи западно-прусских меннонитов. Высокого роста (181 сантиметр), голубоглазый, он, несомненно, обладал немалой привлекательностью.

Петр Крупников, принимая участие в 1992 году в съемках документального фильма Би-би-си о нацистской программе “Лебенсборн”, сумел посмотреть снятые в разное время и при разных обстоятельствах документальные кадры с Еккельном. “Я увидел, – признавался он впоследствии, – что он мог быть обаятельным, с доброй улыбкой. Палачу не обязательно быть противным. Многие палачи XX века занимались искусством – Ежов хорошо пел, Ягода знал наизусть половину русской поэзии”.

Да, женщин Еккельн привлекал, в остальном же по-прежнему был неудачником. Совсем недолго проработал в топливной компании Лейна в Ганновере, опять занялся поиском работы. И так до тех пор, пока в его жизни не произошло знаменательное событие – в 1929 году Еккельн вступил в Национал-социалистическую немецкую рабочую партию.

Психология зла – 3

– Как формируется образ врага?

– Во времена кризисов в обществе обостряется интерес к истории, индивидуальной и коллективной памяти. В ней люди пытаются найти обоснование собственной идентичности. Но не только. Поиск “иного”, “врага” также этому способствует. Осознание того, что другой человек является “чужим”, что он вообще недочеловек, служит консолидации “своих”, повышению групповой и индивидуальной самооценки. Возникает апелляция к патриотическим чувствам. Создаваемое таким образом ощущение опасности пробуждает естественную оборонительную агрессивность, но это реакция на воображаемую угрозу (предательство государственных интересов, человеческие жертвоприношения, заговор). Это позволяет довольно умело управлять людьми.

Правда, враждебное отношение к определенным социальным или национальным группам не ведет к немедленному проявлению по отношению к ним насилия и агрессии. Для геноцида надо, чтобы у людей возникла по отношению к объекту так называемая “враждебная триада” – гнев, отвращение и презрение. На таком эмоциональном фоне “чужой” выключается из принятых моральных и этических норм. Так в Германии было с евреями. Вот только у Еккельна по отношению к ним гнева могло быть больше, чем у других, что объясняется посттравматическим синдромом ветерана войны. Ведь это евреи, по его мнению, были виноваты и в поражении в войне, и в том, что он не мог найти работу.

Глава 2

Почетная партийная работа

На этот раз передо мною другая анкета – заполненная во внутренней тюрьме НКГБ Латвийской ССР – анкета арестованного. В графе “партийность” указано: беспартийный. Однако в протоколах последующих допросов (первый вопрос на допросе – о партийности) ошибка исправлена – член Национал-социалистической немецкой рабочей партии с 1929 года. На моей памяти в советской печати при упоминании нацистской партии слово “рабочая” опускали во избежание ненужных аналогий. Зато слово “социалистическая” писали так – “социалистская”. Здесь же все написано правильно – Национал-социалистическая немецкая рабочая партия.

Пропагандист

– Когда Вы вступили в НСДАП?

– Членом НСДАП я стал 1 октября 1929 года в Ганновере. В это время я был безработным и верил пропаганде Гитлера, что если у Гитлера будет власть, то у всех немцев будет работа и счастливая жизнь.

– Какую работу Вы выполняли в НСДАП?

– В 1930 году я занимался фашистской пропагандой в Ганновере. Позже, в апреле 1931 года, я был простым эсэсовцем в Ганновере.

Так Еккельн отвечал на допросе у следователя, стремясь попасть в такт советским пропагандистским представлениям. Допрашивал его приехавший из Москвы замначальника 2-го управления НКГБ СССР майор Цветаев, переводил показания сержант Суур. Велась стенограмма. Первый допрос состоялся 13 декабря, потом 14-го, затем с 20 декабря каждый день, иногда по два раза в день. Допросы не прерывались даже в новогоднюю ночь: 31 декабря 1945 года допрос начался в 19:00 и закончился 1 января 1946 года в 2:30. Торопились, поскольку дата процесса была заранее определена.

В судебном заседании прокурор задавал по этому поводу уточняющие вопросы.

– Пусть Еккельн перечислит свою работу в партии. Какие занимал должности в нацистской партии, какую работу выполнял, характер этой работы, место и время?

– С 1 октября 1929 года по 4 января 1931 года я был рядовым членом партии и не занимал никакой партийной должности... Вначале я был простым эсэсовцем и имел почетную общественную нагрузку.

Все эти “общественные нагрузки”, конечно же, – трудности перевода с нацистского на советский новояз. У нацистов это называлось иначе – “почетная партийная работа”.

К 1929 году НСДАП уже превратилась в массовую партию. Еккельну потребовалось время, чтобы примкнуть к национал-социалистическому движению, и все же он успел попасть в число партийцев с дореволюционным стажем. Что в дальнейшем позволило ему высоко подняться в СС, стать одним из самых могущественных функционеров.

Одновременно оказались востребованы люди с похожей биографией. Будущий комендант Освенцима Рудольф Хёсс в 16 лет ушел добровольцем на фронт, после окончания Первой мировой войны был на грани самоубийства, и его, нищего, никому не нужного, прибило к национал-социалистам. Там, где разрешено убивать, они могли проявить себя.

По признанию Еккельна, вступление в нацистское движение наполнило его жизнь новым смыслом. Но и он представлял для партии ценность, имея в виду его военное прошлое и, вероятно, дар убеждения. Иначе вряд ли его бы определили в партийные ораторы. Таким стало его первое партийное поручение, полученное в 1930 году. Как пропагандист он, вероятно, умел находить путь к сердцам слушателей. Особенно если между ним и воспитанниками было что-то общее.

“Новая порода”

В то же время, хотя и в другом городе – Линце – и даже в другом (пока еще) государстве – Австрии, жил молодой человек с похожей судьбой. Правда, был помладше, на войну опоздал. В 15 лет отец забрал его из школы и отправил работать на шахту. “Надо признать, еще и потому, что я был не самым прилежным школьником... Через два с половиной года отец объяснил мне, что так я никогда не добьюсь успеха”. Он не добился успеха и когда благодаря дяде устроился в компанию “Вакуум ойл”, потому что “директор Топпер был еврей, и его заместитель Вайс тоже, а может быть, и директор отделения в Линце – Каннхойзер, а зальцбургский директор Блум – уж точно”.

Молодого человека звали Адольф Эйхман. Его рассказ взят мною из опубликованных недавно магнитофонных записей первых допросов Эйхмана сразу после прибытия из Аргентины в Израиль, проведенных капитаном израильской полиции Лессом.

В конце 1920-х годов юный Эйхман примкнул к Объединению фронтовиков, потом вступил в нацистскую партию. “В один прекрасный день в погребке – такая, знаете, большая пивная на баварский манер, с мартовским пивом, – было собрание НСДАП... И ко мне подошел некий Кальтенбруннер, Эрнст. Мы немного знали друг друга... Так вот, Эрнст Кальтенбруннер категорически потребовал: “Ты поступаешь к нам!” Так уж это получилось, бесцеремонно как-то... Я сказал тогда: “Ну ладно”. Так я и попал в СС. Это было в 1932-м”.

Между прочим, доля австрийцев в преступлениях нацистов против евреев намного превышала долю австрийского населения в Третьем рейхе (8,5 %). По крайней мере так писал Симон Визенталь в октябре 1966 года в своем послании австрийскому канцлеру Йозефу Клаусу. Чем это можно объяснить? Вероятно, тем, что именно в Австрии было много богатых евреев, блестящих людей. Они, можно сказать, мозолили глаза многим неудачникам: богаты, а некоторые еще и талантливы. Гитлер учился в реальном училище в Линце вместе с великим австрийским философом Людвигом Витгенштейном, выходцем из богатой еврейской семьи. Это раздражение со временем никуда не делось.

Схожее чувство выразил в записях, опубликованных Беттиной Стангнет, Эйхман: “Мы, немцы, имеем дело с врагом, превосходящим нас по интеллекту. Поэтому уничтожение еврейского противника необходимо для исполнения нашего долга перед нашей кровью и нашим народом”. Его откровенность напомнила мне исторический анекдот, согласно которому Черчилль на вопрос, почему в Англии нет антисемитизма, ответил: “Потому что англичане не считают евреев умнее себя”.

Беседа с Кальтенбруннером привела к службе Эйхмана в концлагере вблизи городка Дахау, откуда его откомандировали в Берлин в Главное управление СД, где он и превратился в “убийцу за письменным столом”, пославшего миллионы евреев на смерть.

Между прочим, Дахау – первый немецкий концлагерь для политзаключенных – возглавил друг и будущий покровитель Еккельна Теодор Эйке. Эйке, уроженец Эльзас-Лотарингии, бросил из-за нехватки денег учебу и ушел на фронт Первой мировой, потом, когда Эльзас отдали Франции, переехал в Германию. Служил в полиции, был изгнан оттуда. Он стал создателем системы концлагерей Германии, надзиратели “повышали квалификацию” в Дахау. Предпочитал брать туда молодых членов партии и воспитывал из подчиненных убийц. Отказывал в приеме на службу даже унтер-офицерам вермахта, считал, что им не хватало твердости. Особую жестокость комендант проявлял к заключенным-евреям (до “окончательного решения” было еще далеко), выступал перед подчиненными с антисемитскими лекциями и приказывал вывешивать в бараках на видном месте газету *Der Stürmer* (“Штурмовик”).

По Михаилу Гефтеру, “нацизм – детище исторически разъяснимой комбинации, когда фальсифицированное национальное чувство, оскорбленное Версалем, сочеталось с невероят-

ной степенью социального отчаяния, охватившего работающие пласты Германии поры мирового кризиса... Сдвиг в человеке оказался достаточным для формирования новой человеческой породы, которую можно условно назвать “эсэсовской”.

Люди этой породы отличались от прочих нацистов. Сошлюсь на Отто Штрассера, брата одного из основателей нацистской партии Грегора Штрассера, убитого в “ночь длинных ножей”. Двумя годами моложе Еккельна, он тоже пошел добровольцем на фронт, тоже в 17 лет получил Железный крест II класса и лейтенантский чин.

“Мы готовились к увольнительной в город и надели было самую лучшую форму, девушки уже ждали нас снаружи, когда к нам подошел сержант, выгнал нас на плац и буквально заорал: “Кто говорит по-английски или по-французски, встать справа, кто играет на пианино – слева!” Потом он отправил тех, кто справа, скрести полы, а тех, кто слева, – драить сортиры... С того дня я возненавидел этих людей... Сегодня они все в СС. Эсэсовский дух родился именно там и тогда”. Как мы увидим из дальнейшего рассказа, Еккельн был одним из наиболее ревностных его носителей.

“Штатный руководитель”

Вступив в СС 5 января 1931 года (членский билет № 4362), Еккельн “простым эсэсовцем” пробыл совсем недолго. Согласно анкете, с сентября 1931 года он уже “штатный руководитель СС”.

Чем занимался “штатный руководитель СС”? “В качестве командира СС я проводил обучение своих подчиненных, – так объяснял характер своей деятельности следователю СМЕРШа 12 июня 1945 года соратник Еккельна Бруно Штреккенбах, – одновременно выполняя задания по охране партийных собраний и срыву собраний политических противников НСДАП – коммунистов и социал-демократов”.

А это уже из протокола допроса Еккельна:

– В каком направлении вы воспитывали эсэсовцев?

– На совещаниях принимались решения, что члены СС будут изучать фашистскую теорию и особенно еврейский вопрос... Особенно заострялись вопросы борьбы с евреями.

“До прихода Гитлера к власти моя работа в СС не оплачивалась, то есть это была почетная партийная работа”, – пояснял Еккельн на допросе у следователя. Работа в СС в то время действительно не оплачивалась, за исключением рейхсфюрера СС и еще нескольких функционеров.

Гиммлер ему явно симпатизировал. Сам он – первый ученик в гимназии – по характеру и воспитанию был полной противоположностью Еккельну. Один из соучеников Гиммлера был до глубины души поражен, узнав одноклассника во всесильном рейхсфюрере – да он же мухи не обидит! Тем не менее у него с юности были схожие с Еккельном идеалы. Во время их учебы в школе в Германии расцвел имперский патриотизм. “Великая Германия, Германия превыше всего, германский меч, германские рыцари” – все это Гиммлер постоянно слышал дома. Портреты кайзера Вильгельма и князя Бисмарка висели на почетных местах в их гостиной.

Юный Генрих мечтал стать офицером, однако на службу в кайзеровский военно-морской флот его не взяли из-за сильной близорукости. Только к концу Первой мировой Гиммлера зачислили в школу прапорщиков во Фрайзинге, он так и не смог принять участия в боевых действиях, хотя впоследствии любил рассказывать о своих “фронтовых подвигах”. Еще одна рифма их судеб – Гиммлер женился на дочери прусского помещика и примерно в то же время, что и Еккельн, занялся фермерством. И тоже не от хорошей жизни. Когда рухнули его мечты об офицерской карьере, он пытался поправить финансовое положение, занявшись разведением кур, но, как следует из его переписки с женой, “куры несутся из рук вон плохо”. Наконец, Гиммлер в свое время сам был партийным оратором, но куда раньше – в середине 1920-х. Дела его пошли только после того, как мировой экономический кризис помог нацистам стать парламентской партией.

Поначалу рейхсфюрер СС был не слишком важной персоной. Подумаешь, охранник! СС (*Schutzstaffel*) – охранные отряды, сформированные в 1923 году с задачей охраны фюрера и других высокопоставленных партийцев во время различных мероприятий. Они включали в себя всего несколько сотен молодых партийных активистов. В 1928 году СС насчитывала 280 человек. К тому же они не были самостоятельны, входили в состав штурмовых отрядов – СА, выход оттуда произошел уже после прихода Гитлера к власти. Их сборы проводились четыре раза в месяц – для пропагандистских поездок, военной подготовки, тренировок по джиу-джитсу. Свой вклад в их набор и подготовку внес и Фридрих Еккельн.

Гиммлер был мужчиной среднего роста с водянистыми глазами, скошенным подбородком и вялым рукопожатием. Как пишет его биограф Лонгерих, тщедушный баварец с впалой грудью. Может, он видел в высоком плечистом Еккельне будущее Германии?

“В конце марта 1931 года я был назначен руководителем ганноверской организации СС, – рассказывал Еккельн в судебном заседании. – В то время было только 200 человек эсэсовцев. Я имел тогда задание создать на территории этой области целый штандарт, то есть полк СС, и я это выполнил. Летом 1931 года я получил дополнительное задание на территории области Ганновер создать еще один полк СС”.

В гвардию фюрера стремились юные нацисты, завораживала черная форма с кавалерийскими сапогами, значки с черепом. В СС был строжайший отбор. Условия приема: рост не меньше 170 сантиметров и возраст не моложе 23 лет. Низшие чины должны были предоставить справку о том, что их предки с 1800 года не имели примеси неарийской крови, для офицеров – с 1750 года. Требование расовой чистоты распространялось также и на жен эсэсовцев. Так что если Еккельн не придумал еврейство Хирша, то, будучи женатым на его дочери, не смог бы вступить в СС. К тому же практически все члены СС окончили среднюю школу, 41 % офицеров СС – университеты, притом что тогда только 2 % немцев имело высшее образование.

Правда, к “старым бойцам” – ветеранам Первой мировой войны – требования были помягче. Расчет Гимmlера оправдался: в СС пришли закаленные в боях фронтовики, они помогли укрепить СС изнутри. Еккельн к тому же считался ветераном нацистского движения.

Его деятельность была оценена по заслугам. В 1932 году Еккельна избрали депутатом рейхстага от Восточного Ганновера. И чины пошли. В 1930 году он был произведен в штурмбанфюреры СС (соответствует майору) и назначен командиром 12-го штандарта СС в Ганновере, а в 1933 году он уже группенфюрер СС (соответствует генерал-лейтенанту) и фюрер группы СС “Северо-Запад” (Брауншвейг). В 1936 году возглавил оберабшнит СС “Центр” и был произведен в обергруппенфюреры (генерал-полковник) – второе по значимости в иерархии СС звание, на первом месте Гимmlер в чине рейхсфюрера. Выше мог быть только оберстгруппенфюрер, но тогда это звание еще никто не носил, да и позже его получили только четверо. Всего за время существования Третьего рейха звание обергруппенфюрера носили 102 человека.

В июле 1940 года его перевели на аналогичный пост в оберабшнит СС “Запад” в Дюссельдорфе. И при этом Еккельн имел наглость называть свою карьеру в СС заурядной (в письме на имя начальника Главного управления кадров СС обергруппенфюрера СС Максимилиана Герфа от 25 ноября 1944 года).

Его карьерному росту помогли хорошие отношения с Куртом Далюге, будущим палачом Лидице. Тому покровительствовал лично фюрер, Далюге завоевал его покровительство в том же 1931 году, сыграв ключевую роль в подавлении мятежа берлинских штурмовиков. Тогда Гитлер, решив добиваться власти законными методами, попросил штурмовиков воздержаться от уличных сражений: “Я понимаю ваши страдания и гнев, но вы не должны братья за оружие”. Штурмовики в Берлине расценили это обращение как измену революционным принципам партии, а оберстфюрер СА Вальтер Стеннес и вовсе отказался выполнить приказ фюрера. Предпринятую им попытку восстания внутри нацистской партии пресек Курт Далюге. Фраза из адресованного Далюге благодарственного письма Гитлера: “Эсэсовец! Твоя честь – в верности” – стала прообразом для девиза СС “Моя честь – это верность” (“*Meine Ehre heißt Treue*”). По приказу Гимmlера эти слова были выбиты на пряжках эсэсовских ремней.

Энергичные люди

“Далюге – человек с болезненным тщеславием, который не останавливался ни перед какими средствами интриг и лжи, чтобы достигнуть своей цели. – Это уже из собственноручных показаний группенфюрера СС Бруно Штреккенбаха от 2 февраля 1948 года. Как я уже упоминал, Штреккенбах за семь лет, проведенных в советской тюрьме в ожидании суда, написал не одну характеристику на своих бывших коллег. – Окружение боялось его за сильные порывы гнева и делало все, чтобы исполнить любые его желания. Во время общения с ним у меня сложилось впечатление, что я имею дело с патологически жестоким человеком”. Возможно, эти качества сближали его с Еккельном.

Признаюсь, поначалу, копаясь в немецких архивных документах, я надеялся найти в личных делах высокопоставленных эсэсовцев характеристики типа тех, что в фильме “Семнадцать мгновений весны”: характер нордический и прочее. Но таковые в личном деле Еккельна, как и в других, не обнаружили. И “беспощаден к врагам рейха” тоже ни разу не встретилось. Потом только понял, что последнее – всего лишь калька выражения первых лет советской власти “беспощаден к врагам революции”. Все это плод фантазии Юлиана Семенова, основанный на советских характеристиках. Как и остальное, взаимоотношения нацистов в романе и сценарии фильма взяты из советских коридоров власти, скопированы с нравов ЦК КПСС и КГБ. Не говоря уже о том, что система документооборота в Третьем рейхе отличалась от советской.

Показания Штреккенбаха на следствии куда точнее и интереснее, чем могли бы быть формальные характеристики. В числе охарактеризованных им эсэсовских бонз есть и персонажи “Семнадцати мгновений”. Вот, к примеру, его слова о начальнике IV отдела РСХА (гестапо) Мюллере: “Он был фанатическим работником, правда, очень ограничен. Знал хорошо лишь свою службу. Строг по отношению к себе и другим. Имеет очень хорошую память... Бесцеремонен. Причисляет себя к влиятельнейшим лицам, кем и является”.

Но, естественно, прежде всего меня интересовало мнение Штреккенбаха о Еккельне: “Энергичный человек, который беспощадно проводил в жизнь как свои, так и полученные им приказы, а также высказывал свое мнение вышестоящим инстанциям”. И еще – “приказы, полученные сверху, исполнял безоговорочно, но их открыто обсуждал”.

Гиммлер ценил Еккельна за самостоятельность. Как рассказал мне немецкий историк Холокоста Юрген Маутхаус, рейхсфюрер много времени уделял подбору кадров, едва ли не ежедневно изучал личные дела подчиненных. Инициатива в его аппарате приветствовалась. К примеру, Гейдрих в 1941 году в одной из директив рекомендовал карателям избегать бюрократического вмешательства, с готовностью принимать на себя ответственность. Они вовсе не слепо выполняли приказы и были отнюдь не винтиками страшной машины, каким, скажем, выглядит Эйхман в портрете пера Арендт. Вообще-то это он сам еще до появления адвоката избрал такую тактику защиты – изобразить себя как простого бюрократа, а когда адвокат появился – спустя четыре месяца после ареста – просил того продолжать его тактику.

Так что Гиммлер выбрал Еккельна не за одну только преданность, хотя, конечно, и за преданность тоже, основанную на том, что без партии и СС тот никем бы не стал. Рейхсфюрер обладал даром привязывать к себе неудачников, ставших жертвами семейных трагедий, мировой войны, экономического кризиса. Именно в них был сосредоточен особо кровавый криминальный потенциал. Американский историк Майкл Манн изучил биографические данные 1,5 тысячи наиболее известных эсэсовцев – военных преступников, оказалось, что многие пришли к нацизму вследствие жизненных неудач. 16 % пережили до 19 лет психологическую травму, в том числе смерть родителей, от потери работы пострадало 24 %.

Психология зла – 4

– Можно вывести два психологических типа – убийца-бюрократ и убийца-исполнитель (пусть и обладающий высоким постом). Нацизм не мог обойтись без обоих, но разница между ними есть, и немалая. В Эйхмане не было ничего от вурдалака, зато немало от чиновника, с кем все мы регулярно сталкиваемся, – потому-то к нему и применим образ банальности зла. На месте Эйхмана, который сам никого не убил, мог оказаться любой другой, ну или едва ли не любой. На месте Еккельна любой оказаться бы не мог.

– Но и таких, как Эйхман, “убийц за письменными столами”, было немало. Но они, отнимая у евреев имущество, составляя планы движения поездов к лагерям смерти, все же не видели своих жертв, кровью которых была залита форма Еккельна. Тот же Эйхман инспектировал Освенцим и Трешлинку, для него в Минске устроили показательный расстрел евреев, но сам он никого не убивал. “На мне много вины, я это знаю, господин капитан, – говорил он на допросе. – Но... я никогда не убил ни одного еврея. И я никогда не давал приказа убить еврея”. На судебном процессе Эйхман рассказал, как, оказавшись на “акции”, смог пробыть там всего несколько минут, пока его не вывернуло в кустах наизнанку.

Против “религиозного дурмана”

“...Эсэсовцы были против церкви, в частности против Католической церкви” (из протокола допроса Еккельна). Объяснялось это не только политикой партии, подозрительной к иудеохристианству, но часто и личными мотивами. Соратник Еккельна по партии и коллега по палаческому ремеслу комендант Освенцима Рудольф Хёсс в своих мемуарах рассказал, что его отец хотел, чтобы сын стал католическим священником. Однако он разочаровался в церкви в 13-летнем возрасте, заподозрив, что исповедовавший его священник нарушил тайну исповеди. Отец Эйхмана, между прочим, был пресвитером евангелической общины в Линце.

Сам Еккельн воспитывался в евангелической вере, дед его, как уже говорилось, был пастором. В какой момент пасторский внук отошел от церкви, неизвестно. Возможно, после увлечения Артуром Динтером. Тот ведь не только писал романы, а еще и провозгласил себя основателем новой “политической религии”, где Иисус Христос был арийцем. Динтер пропагандировал идею приведения немецкого народа к “христианству, очищенному от евреев”. Основанная им Немецкая народная церковь (перед запретом в 1936 году) насчитывала 300 тысяч членов.

В полиции с некоторых пор тоже не жаловали верующих христиан, а в СД – тем более (90 % сотрудников СД покинули церковь). “Необходимым условием для повышения по службе был выход их жен и детей из церкви, – сообщил следователю оберфюрер СС Фридрих Панцингер, допрошенный по “делу Штреккенбаха”, в собственноручных показаниях от 2 февраля 1948 года. – Мне известно, что подобные требования нередко вносили раздор в семьи. (Легко можно себе представить, как страдали богобоязненные фрау. – Л.С.) На одном из совещаний Штреккенбах сказал: если сотрудник государственной полиции не в состоянии разрешить церковный вопрос у себя дома, то он непригоден для работы в полиции безопасности”.

Еккельн записал себя в анкете “верующим в провидение”. Тот же самый термин встречается в личных делах многих высокопоставленных эсэсовцев, например Оскара Дирлевангера и Адольфа Эйхмана. Гиммлер приказал семьям эсэсовцев не праздновать Рождество, а отмечать вместо этого летнее солнцестояние. Вместе с Гейдрихом они покинули церковь в 1936 году.

Буквальный перевод изобретенного Гиммлером слова “*gottgläubig*” – “полагающийся на провидение”. “Провидение” – любимое слово Гитлера. “Нас ведет Провидение... – говорил он в триумфальном для него 1937 году. – Никто не в состоянии творить историю народов, мировую историю, если Провидение не благословило его на это”. Это Провидение, по словам фюрера, сохранило ему жизнь 20 июля 1944 года.

– В те годы – я думаю, в 1935-м – вошло в моду, чтобы каждый сотрудник СД выходил из церкви, – рассказывал следователю Эйхман.

– В вашем личном деле указана религия – “верующий”.

– Каждый, кто покидал церковь, называл себя в то время верующим, потому что должен был как-то назвать. Иначе можно было уподобиться безбожным марксистам. Стало быть, называть себя неверующим считалось предосудительным.

На вопрос, когда и почему сам он отошел от церкви, Эйхман ответил, что случилось это “должно быть, в 1937 году”. Тогда как еще в 1935 году он венчался в церкви, хоть его начальники от этого отговаривали, “не запрещали, но подтрунивали над этим”. Он “все больше приходил к убеждению, что Бог не может быть так мелочен, как это говорится в историях, записанных в Библии. Я решил, что нашел свой собственный путь... И я решил для себя: Бог, в которого я верю, больше, чем Бог христиан. Ибо я верю в сильного, огромного Бога, который создал мироздание и приводит его в движение”.

Подразумевалась вера в некое верховное божество, не имеющее ничего общего ни с ветхозаветным Богом, ни с Христом. Крест заменила свастика. Нацисты рьяно отторгали христи-

анство в любом его виде, думаю, оттого, что им претили человеческие ценности. “...Идут христиане, от катов Христовы заветы припрятав, иначе – тюремный срок. Нацисты хохочут над ними: он изгнан богами иными – их мирный еврейский бог!” (Бертольт Брехт).

В Брауншвейге собор был переделан нацистами в так называемое “Национальное святилище”. В это время премьер-министром земли Брауншвейг был Дитрих Клаггес, тот самый, который в 1932 году помог получить государственную должность и германское гражданство австрийцу Адольфу Гитлеру, без которого тот не смог бы быть избранным рейхспрезидентом или рейхсканцлером. По предложению Клаггеса в июле 1933 года Еккельн стал главным полицейским земли Брауншвейг.

“Законно лишь то, что Германии впрок”

“С июля 1933 года до июня 1940 года я работал в качестве руководителя Северо-Западной группы СС и одновременно был начальником земельной полиции в Брауншвейге”. И это все, Еккельн на эту тему на следствии особо не распространялся, да его и не спрашивали. А если б и спросили, вряд ли бы стал рассказывать о такой, к примеру, истории.

29 июня 1933 года в Брауншвейге две группы – одна из эсэсовцев, вторая из штурмовиков – одновременно занялись поиском подпольщиков, распространявших антинацистские листовки. Одетые в гражданскую одежду, они не опознали друг друга и устроили между собой перестрелку, в ходе которой один эсэсовец был убит. В качестве возмездия – вопреки фактам – Еккельн приказал расстрелять 11 коммунистов. Они были расстреляны у деревни Ризеберг.

В первые месяцы после прихода Гитлера к власти полиция с помощью штурмовиков арестовывала и отправляла в концлагеря социал-демократов, коммунистов, руководителей профсоюзов. Брауншвейг не был исключением. Но столь явный полицейский произвол долго продолжаться не мог – все же это Германия с ее традициями почитания закона и независимыми – до поры – судьями. Новые хозяева страны вынуждены были с этим считаться. Более того, при творяться поборниками законности.

Таковым себя вообразил Бруно Штреккенбах, пришедший на службу в полицию примерно в то же время, что и Еккельн, и тоже по направлению СС. Так вот, на допросах на Лубянке он возмущался: “Многие арестованные после прихода фашистов к власти незаконно избивались, давали ложные показания, а потом в суде от них отказывались”. Ему, как честному человеку, пришлось “усилить законность”. Свои пояснения от 12 июня 1945 года Штреккенбах заканчивает на высокой ноте: “Я не творил произвола и жестокости, а, наоборот, там, где мне приходилось сталкиваться с подобными делами, я выступал против них, хотя тем самым создавал для себя трудности”.

Под эвфемизмом “трудности” Штреккенбах имел в виду угрозу увольнения. О ее реальности можно судить по эпизоду, случившемуся в Вертхайме. С криком “Евреи, убирайтесь вон!” штурмовики ворвались в здание суда и больше недели его удерживали. Когда местный начальник полиции попросил помощи в Берлине, ему посоветовали избегать стычек со штурмовиками, а потом уволили.

Став канцлером, Гитлер назначил министром внутренних дел своего старого знакомого – доктора права Вильгельма Фрика. Тот сразу заявил: большинство судей и юристов в Берлине – евреи, подразумевая, что с этим надо что-то делать. Ну, большинство не большинство, а все неарийцы немедленно были изгнаны из Верховного апелляционного суда Пруссии ворвавшись туда штурмовиками. Референдарий этого суда, молодой юрист Себастьян Хафнер оставил воспоминания об одном из эпизодов этого вторжения. О том, как один из адвокатов-евреев “взъерепенился – и был жестоко избит. Я узнал, кто был этот адвокат: фронтовик, пять раз раненный, потерявший глаз, он дослужился до чина капитана, наверное, он на свою беду повел себя как в былые времена, когда ему случалось вправлять мозги зарвавшейся солдатне”.

И все же первые два года после прихода к власти нацисты в основном преследовали коммунистов и либералов. Когда с ними покончили, в 1935 году принялись за евреев.

Министром юстиции стал адвокат Гитлера, доктор права Ганс Франк (в будущем – “польский мясник”, гауляйтер Польши). “Фундамент всех основных законов, – вещал он, – это национал-социалистическая идеология и в особенности ее истолкование в партийной программе и речах фюрера”.

Со временем полиция переняла методы штурмовиков. По словам Штреккенбаха, “с 1933 года нельзя было прибегать к вымогательству показаний посредством жестокого обращения, поэтому часто следствие не имело успеха”. С 1935 года стало можно. “Обычно из Берлина раз-

решали применение 25 палочных ударов, но с разрешения врача”. Штреккенбах такую “законность” одобрял и боролся за нее. Вскоре и законы подоспели, позволявшие творить легальный произвол.

“С приходом Гитлера к власти значительно упростилось судопроизводство, перестала вмешиваться печать, – писал Штреккенбах в своих показаниях. – Был издан чрезвычайный закон “Об охране народа и государства”, по которому лица, заподозренные в антифашистской деятельности, без суда направлялись в концлагеря. Это в значительной степени облегчило деятельность политической полиции. Разрешены перлюстрация почты, ночные обыски, подслушивание телефонных переговоров, так называемые защитные аресты без суда”.

Словом, вновь все как у Бертольта Брехта: “Вот судьи, вот прокуроры. Ими командуют воры: законно лишь то, что Германии впрок. И судьи толкуют и ладят, пока весь народ не засадят за проволоку, под замок”.

Глава 3

На службе у Крысолова

Как Вы оцениваете собственную роль при захвате Гитлером власти в Германии?

– Как можно видеть из моих предыдущих показаний, я играл важную роль во время захвата Гитлером власти. Я могу добавить еще, что из 50 тысяч эсэсовцев на момент 30 января 1933 года (день, когда Гитлер стал канцлером) я подготовил в Германии 7 тысяч членов СС, то есть примерно 14 %. Кроме того, с момента захвата власти Гитлером я подготовил еще 20 тысяч эсэсовцев и перед самой войной два батальона СС для ведения боевых действий.

Такие показания давал Еккельн на допросе у следователя 13 декабря 1945 года. На суде Еккельн на эту тему высказался иначе: “Я особой роли в захвате власти не играл”. Вряд ли на следствии он топил себя по собственной инициативе, вероятно, в протоколе эти слова записаны под диктовку следователя. Чуть позже Цветаев перенес их в обвинительное заключение по делу, утвержденное главным военным прокурором Красной армии Афанасьевым 23 января 1946 года. Обвиняемый Еккельн назван в нем “приближенным Гитлера и Гимmlера, сыгравшим в свое время видную роль в захвате власти в Германии Гитлером”.

Вероятно, с самого начала следствия из него хотели сделать большую фигуру, чем он был на самом деле, но в какой-то момент остановились. В материалах дела остались следы. “Еккельн являлся правой рукой Гитлера и Гимmlера и в 1933 году в момент прихода Гитлера к власти был даже его личным телохранителем” (из протокола допроса военнопленного летчика Петера Плетта 22 октября 1945 года). “Насколько я помню, – рассказывал на допросе свидетель, – в 1923 году Еккельн являлся активным участником расстрела революционеров в городе Мюнхен, где за подавление и жестокую расправу с революционерами был награжден Орденом Крови”. Тут перепутано буквально все – то ли допрашиваемым (ему самому в 1923 году было пять лет), то ли вложившим эти слова ему в уста опером (пленный немецкий летчик был допрошен начальником оперотдела лагеря НКВД № 296 Дмитриевым). В том году в Мюнхене не было никакой революции, а был устроенный сторонниками Гитлера “Пивной путч”, упомянутым орденом Гитлер впоследствии награждал его участников.

Чувство такта

– С Гитлером я познакомился летом 1931 года в Коричневом доме (Коричневый дом был штабом национал-социалистической партии. – *Л.С.*). Гиммлер представил меня Гитлеру, перед тем как назначить на должность руководителя СС в Ганновере.

– Были ли у Вас позже встречи с Гитлером?

– В 1932–1938 годах я лично с подчиненным мне аппаратом охранял Гитлера во многих городах Германии. Эта охрана была нужна потому, что Гитлер, особенно в 1932 году, объездил весь рейх и выступал с речами. Я каждый год обеспечивал его охрану в городе Гамельне во время его выступлений на “праздниках урожая”.

...Гамельн. Гитлера называли Гамельнским Крысоловом. Согласно средневековой легенде, однажды город Гамельн подвергся крысиному нашествию. Тогда городские власти пригласили крысолова, пообещав заплатить ему “столько золота, сколько он сможет унести”. Тот вынул из кармана волшебную флейту, под звуки которой все городские крысы сбегались к нему, и вывел околдованных животных прочь из города, а затем утопил их всех в реке Везере. Город, однако же, успел пожалеть о данном обещании и, когда крысолов вернулся за наградой, отказал ему наотрез. Через какое-то время он вернулся в город уже в костюме охотника и красной шляпе и вновь заиграл на волшебной флейте, но на этот раз к нему сбегались все городские дети, тогда как околдованные взрослые не могли этому помешать. Так же, как ранее крыс, он вывел их из города и утопил в реке.

– Кроме того, я был приглашен Гитлером в 1934 году в рейхсканцелярию (Берлин) на банкет для высших и верных членов СС. Только 12 самых верных членов СС принимали участие в этом банкете, на котором Гитлер обратился к нам с речью. Гитлер тогда сказал, что начальник штаба СА Рём был восемь дней назад казнен, так как он выступал против подготовки к войне (из протокола допроса на предварительном следствии. – *Л.С.*).

Это была ложь, против войны Рём не выступал. Но то, что Еккельн был приглашен к Гитлеру сразу после “ночи длинных ножей”, говорит о многом. Судя по всему, он действительно участвовал в захвате власти. Причем не только Гитлером, но и Гиммлером, фактически ставшим в июле 1934 года вторым человеком в государстве.

“Ночь длинных ножей”

К началу 1933 года число штурмовиков во главе с Эрнстом Рёмом выросло до 600 тысяч человек, а к концу года – до 3 миллионов. Несмотря на то что СС формально подчинялись СА, главному партийному войску, Гиммлер превратил свой “орден” (к тому моменту в нем было уже 50 тысяч) в силу, создающую противовес Рёму и демонстрирующую безоговорочную преданность партийному руководству. После “национальной революции” (так нацисты называли назначение 30 января 1933 года Адольфа Гитлера рейхсканцлером) в рядах штурмовых отрядов стало расти недовольство. Пошли разговоры о предательстве Гитлера и необходимости второй революции – “истинно социалистической”. Только лишь разговоры, но Гиммлер и его аппарат всячески поддерживали слухи, по которым Рём якобы стремился заполучить власть в свои руки. В конце концов летом 1934 года Гитлер отвернулся от Рёма, и случилось это явно не без участия Гиммлера.

30 июня 1934 года Гитлер обвинил Рёма в заговоре, хотя настоящими заговорщиками были он сам и его подручные. Как только Геббельс передал по телефону Герингу кодовое слово “колибри”, сразу же были подняты по тревоге подразделения СС и распечатаны конверты с заблаговременно заготовленными расстрельными списками. Рёма в тот же день арестовали, а на следующий – Гитлер приказал принести ему в камеру свежую газету со статьей о казни его сторонников и пистолет с одним патроном, надеясь, что, прочитав статью, Рём застрелится. Не дождавись выстрела, через 15 минут в камеру вошли упоминавшийся выше друг Еккельна Теодор Эйке и его адъютант. Рём отложил газету, встал и вскинул правую руку в нацистском приветствии, после чего гости произвели в него четыре выстрела. Еккельн, возможно, был где-то неподалеку.

Для главы СС Гиммлера выход СА, лишившейся своего руководителя, из политической игры означало невероятное усиление его власти. К тому же члены СС скрепили свой союз кровью. Кровью своих “оступившихся товарищей”.

4 октября 1943 года в Познани Гиммлер обратился к соратникам с призывом помалкивать об уничтожении еврейского народа и в качестве примера помянул их молчание о “ночи длинных ножей”. “Мы будем говорить об этом друг с другом открыто, но никогда не признаемся в этом публично. Подобно тому, как 30 июня 1934 года мы не мешкая исполнили свой долг, поставили к стенке и расстреляли оступившихся товарищей и после того не разговаривали, не обсуждали случившееся и не будем делать это в будущем – это, слава богу, наше природное, естественное чувство такта – не беседовать никогда об этом между собой”.

Если уж участники “ночи длинных ножей” даже между собой не обсуждали, как убивали “оступившихся товарищей”, то, ясное дело, Еккельну хватило “природного чувства такта” не рассказывать о своем в ней участии на следствии.

“Еврейский вопрос”

“Еврейский вопрос” Штреккенбах называет “нерадостным делом”. Удаление евреев из официальных учреждений началось в 1933 году, причем “аризация” сопровождалась тем, что “сомнительные личности, подвизавшиеся около партии, требовали от евреев продажи предприятий на выгодных для них условиях и при этом против его воли использовали полицию”. Некоторые его коллеги из полиции обогатились. Правда, вскоре режим ограничил несанкционированные бесчинства.

Нюрнбергские законы (1935 год) запрещали евреям вступать в брак с немцами. И снова Брехт: “Идут на еврейках женатые изменники расы завзятые. Их спарят с арийками тут, блондинкой заменят брюнетку и, словно в случную клетку, насильно в расу вернут”. Между прочим, до того по числу смешанных браков Германия занимала первое место в Европе, до 4 миллионов немцев имели еврейских предков во втором поколении.

Дискриминировать всех их нацисты не решились. По переписи 1933 года евреи составляли 0,7 % населения Германии. В Нюрнбергских законах определялось, кто именно мог считаться “полным евреем” – у кого трое из дедушек и бабушек были евреями. Если же их было двое, то их внук (“мишлинг первой степени”) относился к евреям в двух случаях: либо он состоял в смешанном браке, либо исповедовал иудаизм. “Мишлинг второй степени” – только один дедушка или одна бабушка были евреями – считался немцем по крови.

Надо сказать, немецких евреев больше всего поражала не жестокость нацистов, а поведение их собственных друзей, коллег и соседей, до того не замеченных в антисемитских проявлениях. Они все считали себя немцами и не могли поверить в происходящее. Точнее всего это чувство сформулировала Ханна Арендт: “Шоком было не то, что делали наши враги. Шоком было то, что делали наши друзья”.

...Предки Марго Зейдлер, уроженки Брауншвейга, жили в Германии с конца XV века. В 1934 году с ней, 14-летней девочкой, перестали здороваться на улице знакомые мальчики, партнеры по урокам танцев. А потом старшеклассники из ее школы в эсэсовской форме пришли за отцом – возможно, по приказу Еккельна.

В отделе устной истории вашингтонского музея Холокоста я смотрю видеointервью, где спустя много лет пожилая женщина вспоминает о пережитом.

1933 год. “Что эти евреи тут делают?” – громко вопрошает незнакомая женщина в вагоне поезда при виде Марго с матерью. 1 апреля объявлен национальный бойкот еврейских магазинов, в некоторых из них разбиты витрины. Штурмовики с угрожающим видом вставали у их дверей, предупреждая людей, что туда лучше не заходить.

1934 год. “Вам тут нельзя находиться”, – говорят ее старшему брату в молодежном клубе, членом которого он является. Его тут же забирают в полицию как нарушителя порядка и освобождают из-под ареста спустя 10 дней по ходатайству местного раввина. К счастью, для ее семьи все окончилось хорошо, отца вызволили из Бухенвальда, им удалось эмигрировать. Оставшихся в Брауншвейге ждала Хрустальная ночь.

Свое название этот погром получил из-за осколков стекла разбитых витрин и окон, которыми были усыпаны улицы десятков городов Германии. По информации страховых компаний, стоимость одних только разбитых витрин составила 5 миллионов марок. В ночь с 9 на 10 ноября 1938 года было убито не менее 400 евреев. Их вытаскивали из квартир, хватали на улице, избивали до смерти. Всего были разрушены 267 синагог и 815 магазинов и предприятий. Полицейские не вмешивались, пожарные следили только за тем, чтобы огонь не перебрался на соседние дома.

Нацистская акция (ее инициатором и координатором был Рейнхард Гейдрих) готовилась с помощью полиции. Стало быть, Еккельн не мог не участвовать в ее подготовке, когда мага-

зины и синагоги, которые планировалось сжечь, помечались специальными надписями белой краской.

Любовница Еккельна Моника (о ней позже) после войны рассказывала дочери, как наутро после Хрустальной ночи шла по центру города на работу и испытала глубокий стыд от того, что увидела. Поделившись своим впечатлением с любовником и выслушав его реакцию, поняла, что Еккельн разделил с ней ужас от происшедшего. Видно, Еккельн умел неплохо притворяться.

Новый человек в полиции

Штреккенбах, как и Еккельн, был новым человеком в полиции (не в Брауншвейге, а в Гамбурге). В основном же после прихода Гитлера там остались те же люди, что при старом режиме. Из 6 тысяч сотрудников полиции Гамбурга только 200 было уволено, да и то не все по политическим соображениям. Новая власть понимала – новых людей взять особо негде, надо перевоспитывать старых в новом духе.

Гиммлер еще только планировал передачу СС полицейских функций. Но уже тогда, согласно рассказу Штреккенбаха, полицейских чиновников в массовом порядке принимали в СС со всеми вытекающими последствиями – на них распространялся приказ о разрешении на заключение брака, требования к состоянию здоровья. И, разумеется, обучение нацистской премудрости. Штреккенбах создал специальный отдел по национал-социалистическому обучению (аналог сети партийного и комсомольского обучения у нас в советское время). Особое внимание на занятиях с полицейскими, разумеется, придавалось расовой теории. Кто не выдерживал итоговых экзаменов, не получал повышения по службе.

Полиции, между прочим, приходилось бороться и с “религиозным дурманом”. Тот же Бруно Штреккенбах, отвечая на вопрос следователя, чем занималось гестапо в Гамбурге, которое он возглавлял в 1933–1936 годах, сообщил, что часть его усилий было сосредоточено “на непривычных полиции областях – католики, масоны, евреи, секты”. Гестапо занималось “подавлением нежелательных организаций – масонских лож и религиозных сект. Особенно “Исследователей Библии” (так назывались в то время “свидетели Иеговы”. – Л.С.) – секты религиозных фанатиков, одурманенных религиозной химерой”.

Но главным было, конечно, другое. Особенно в Гамбурге, где, в отличие от Брауншвейга, традиционно была сильная компартия.

– Как практически осуществлялась работа по вскрытию деятельности политических противников фашистского режима?

– Эта работа осуществлялась путем получения и использования доносов населения (по собственной инициативе последнего), следствия и агентурной работы.

Думаю, агентурная работа была на высоте. Объяснялось это тем, что нацистская партия и СС вместе с полицией (как сказали бы сегодня – силовики) состояли в неразрывной связи.

Бруно Штреккенбах вступил в партию в марте 1931 года, “так как считал, что будет оказывать помощь родине” (из его последнего слова на судебном процессе в 1952 году). “На всех собраниях секций (так назывались низшие партийные организации), – рассказывал он на следствии, – выдвигались требования к отдельным членам партии, чтобы все, что становилось им известным из разговоров с соседями по дому, во время поездок в местном транспорте о событиях, деятельности других политических партий, докладывалось их партийному руководителю”.

За членами партии, в свою очередь, следила партийная служба безопасности, впоследствии преобразованная в СД. Последняя, по мнению Штреккенбаха, сыграла свою роль, когда начался наплыв новых членов – благодаря ей удалось предотвратить путч Рёма.

Не только члены партии, народ был заодно с полицией, полиция опиралась на его поддержку. “В годы дипломатических успехов и экономического возрождения этнические немцы были погружены в атмосферу пьянящего коллективизма, – пишет профессор Оксфорда Клаудиа Кунц. – ...И нацистские осведомители, и антифашистские подпольщики единогласно сообщали о том, что немцы испытывают искреннюю благодарность режиму за ликвидацию безработицы и выход из ненавистного Версальского договора. Все были буквально очарованы удовольствиями, которые предлагала нацистская массовая культура”.

Интеллектуалы не были исключением. Философ Хайдеггер впоследствии объяснял свой поворот к национал-социализму желанием присоединиться к тем силам, которым, как ему казалось, была присуща подлинная воля к новому началу. “Для всех немцев, наделенных чувством социальной ответственности, классовые различия в нашем народе стали нестерпимыми – равно как и тяжелое экономическое закабаление Германии посредством Версальского договора”. “Сам Хайдеггер тоже казался другим – так описывает свою последнюю встречу с ним в июне 1933 года Карл Ясперс. – Сразу, как только он приехал, возник настрой, разделивший нас. Народ был опьянен национал-социализмом. Я поднялся наверх, в комнату к Хайдеггеру, чтобы поздороваться. “Как будто опять наступил 1914 год, – начал я, желая продолжить, – опять то же всеобщее лживое опьянение”. Но при виде сияющего Хайдеггера слова застряли у меня в горле... Перед одурманенным Хайдеггером я оказался бессилён”.

Другой современный автор, Лоуренс Рис, отрицает утверждение Ханны Арендт, что немцы были охвачены “железным обручем страха”. “Страшное” гестапо, как он пишет на основе архивных исследований, на самом деле испытывало недостаток кадров и было малоэффективным. В подтверждение Рис приводит данные по Нижней Франконии, где на миллион жителей приходилось только 28 сотрудников гестапо. “...Но как же случилось, что ничтожное количество людей обладало невообразимой властью? Ответ прост – гестапо пользовалось широчайшей поддержкой среди простых немцев. Большинство дел в вюрцбургских архивах были заведены лишь потому, что каждый раз находился человек, не состоящий в партии, но добровольно доносивший на своего же товарища. Так что едва ли в гестапо занимались упреждающей деятельностью, самостоятельно и целенаправленно разыскивая политических врагов режима. Они всего лишь собирали и проверяли доброхотные доносы граждан”. Таково гражданское общество времен тоталитаризма. Получается, роль тайной полиции не столь уж велика, если народ всей душой с властью.

Правда, в других германских землях численность гестапо была явно побольше. По свидетельству Штреккенбаха, к 1937 году штат тайной государственной полиции состоял из 9500 оперативных сотрудников и 2 тысяч административных чиновников (численность населения Германии тогда составляла 69,3 миллиона человек).

Глава 4

Гейдрих и другие

В 1936 году тайная государственная полиция – гестапо – вместе с криминальной полицией – крипо – вошли в новую структуру – главное управление полиции безопасности, или зипо. Реформа полицейской власти предполагала создание еще одного крупного ведомства – главного управления полиции порядка, или орпо, отвечавшего за обычные полицейские формирования, жандармерию, земельную полицию. Первое возглавил шеф СД Рейнхард Гейдрих, второе – друг и покровитель Еккельна Курт Далюге.

Внутренняя борьба

“Вскоре Гейдрих добился указа об образовании главного имперского управления безопасности – РСХА, – пишет Штреккенбах в своих собственноручных показаниях. – Так произошло слияние главного управления полиции безопасности с главным управлением СД. Но и после этого сотрудники СД оставались партийными работниками, а полицейские сотрудники – чиновниками, но это обстоятельство не мешало Гиммлеру и Гейдриху распоряжаться РСХА как единой организацией”.

В пояснениях Штреккенбаха 17 июля 1951 года есть целый раздел под заголовком “Внутренняя борьба за власть в германской полиции”. Гиммлер, как он пишет далее, сначала “придал охранным отрядам своего рода полицейские функции в системе НСДАП”, а потом “старался забрать полицию в свои руки... После переворота, занимая сравнительно незначительный пост полицей-президента в Мюнхене, Гиммлер сумел захватить руководство политической полицией. Далее он использовал для укрепления своего положения как шпионскую работу СД в партии, так и включение ряда влиятельных членов НСДАП в СС, чем привязал их к себе”.

Это полностью подтверждается известной мне историей, произошедшей в Брауншвейге при Еккельне. Летом 1933 года СД повела подкоп под премьер-министра земли Брауншвейг Клаггеса, чтобы сбросить его с занимаемого поста, тогда Клаггес обратился с жалобой на действия СД в высший партийный суд. Гиммлер был вынужден выбросить белый флаг, руководитель брауншвейгской СД был изгнан из СС и брошен в концлагерь. В порядке компенсации морального ущерба Гиммлер присвоил Клаггесу, не бывшему даже эсэсовцем, звание группенфюрера СС.

После публикации 1 апреля 1937 года имперского закона о полиции все полицейские органы перешли из ведения земель в компетенцию центрального правительства – вся германская полиция оказалась в руках Гиммлера. При этом, как пишет Штреккенбах, он ничуть не считался с министром внутренних дел Фриком, кому был формально подчинен. Генрих Гиммлер стал главой всей немецкой полиции. Так СС слилась с государственным и партийным аппаратом, и постепенно их щупальца охватили страну.

Гиммлер долго шел к этому. Когда Гитлера 30 января 1933 года назначили рейхсканцлером, единой германской полиции еще не было. Геринг возглавляет прусскую полицию – сильнейшее вооруженное формирование страны после бундесвера. Гиммлер занял пост начальника мюнхенской полиции. Значимость СС падала, и Гиммлер объявляет СС “вспомогательной полицией”, после чего, будучи главой политической полиции, делегирует руководящие функции и соответствующие полномочия рейхсфюреру СС, то есть самому себе.

В 1934 году в ведение негосударственной организации – СС – было передано управление концлагерьми и их охрана, созданы войска СС, позже в СД была включена и внешняя разведка. Затем в ее ведение передается первый концлагерь рейха – Дахау. Эсэсовцы уже на второй день застрелили четверых заключенных. Когда концлагеря охраняла полиция, до такого не доходило. Да и узников лагерей было сравнительно немного – в середине 1930-х годов 3 тысячи. Вскоре Гиммлер сильно умножил их число.

СД

СД – эту аббревиатуру я, как и многие советские люди, узнал и запомнил после “Семнадцати мгновений весны”. Как и адрес – Принцальбрехтштрассе, 8, куда Штирлиц приходил на службу – мгновение за мгновением, серия за серией. Но в чем там дело, кто там чем занимался, разобрался куда позже. В этом здании с 1933 года было гестапо, а после образования РСХА туда въехал Гейдрих. Здания больше нет, на том месте рядом с раскопанными подвалами гестапо – музей “Топография террора”, где я недавно побывал, рассматривал фото сотрудников этого страшного учреждения в поисках знакомых персонажей.

Как уже говорилось, Гиммлер до 1933 года возглавлял лишь охранную структуру нацистской партии. В том году Рейнхард Гейдрих, незадолго до того вступивший в партию и СС, познакомился с Гиммлером и высказал ему свои предложения по созданию службы разведки СС. Гиммлеру они понравились, и он поручил Гейдриху заняться созданием службы безопасности – СД.

“Поначалу это всего лишь небольшой отдел в составе Управления СС, первые картотеки Гейдриха размещаются в коробках из-под обуви, и в его распоряжение выделено всего полдюжины агентов. Но уже в то время он усвоил, что главное в разведке – знать все обо всех”. Так пишет Лоран Бине в упоминавшемся романе о Гейдрихе. Его название “*HHhH*” – аббревиатура прозвища, которое Рейнхард Гейдрих имел в СС: *Himmlers Hirn heißt Heydrich* (Голову Гиммлера зовут Гейдрих).

Штреккенбах в своих показаниях не счел нужным упомянуть это его прозвище, хотя наверняка оно ему было хорошо известно, он просто сравнил его с Гиммлером, отметив, что тот был столь же честолюбив и властолюбив.

Казалось бы, между ними не было ничего общего – разница в возрасте, в биографии. Гейдрих родился в семье композитора, получил хорошее образование. Служил на флоте, откуда был изгнан за недостойное поведение в отношении женщин (крутил два романа одновременно). “В 1931 году, в разгар экономического кризиса, разоряющего Германию, молодого офицера, надеявшегося на блестящую карьеру во флоте, выбрасывают на улицу, и ему вроде бы ничего не остается, кроме как влиться в армию безработных, которых тогда насчитывалось не меньше 5 миллионов”. В том же году он вступил в нацистскую партию, с чего, собственно, и началась его карьера убийцы.

Гейдрих был высок и голубоглаз

Он, как никто другой, соответствовал арийскому стандарту, что было редкостью среди руководителей рейха. В 1930-е годы в Германии ходила опасная шутка: белокур, как Гитлер, высок, как Геббельс, и строен, как Геринг.

Думаю, читателю не надо объяснять, что Гитлер был темноволос, Геббельс был коротышкой, а Геринг – толстяком. Правда, у нацистских лидеров были другие таланты. Гиммлер, однако, ничем особо не выделялся – не был народным трибуном, как Геринг, не умел увлекать народ демагогией, как Геббельс. Зато аппаратчик в пенсне сумел создать службу безопасности – СД, внушавшую всеобщий страх.

В 1931 году всесильный министр пропаганды с удивлением обнаружил, что СС собирает компромат на него и на других лидеров рейха. Геббельс попытался пожаловаться Гитлеру – бесполезно. Так вот, создателем СД был не кто иной, как Гейдрих.

Альберт Шпеер (рейхсминистр вооружений, а до того личный архитектор фюрера) был приятно удивлен, познакомившись с Гейдрихом. Ему была прекрасно известна репутация жестокого и непредсказуемого начальника СД, а тот оказался вежливым, доброжелательным и образованным господином. Как пишет Лоран Бине, “Гейдрих, подобно Шерлоку Холмсу, играл на скрипке (только лучше британца). И, подобно Шерлоку Холмсу, занимался расследованиями уголовных преступлений. Разница между ним и знаменитым английским сыщиком состояла в том, что в отличие от Шерлока Холмса он не доискивался истины – он фабриковал “истину”.

Впрочем, фальсификаторов истины на Принцальбрехтштрассе было немало. Но Гейдрих, как докладывал на Лубянке Штреккенбах, был самым способным из окружения Гиммлера. Об этом окружении он был невысокого мнения: “Гиммлер – очень умный и начитанный человек, который стремился к хорошему, но благодаря своим личным методам работы и непригодному окружению достигал обратного”. Объясняет Штреккенбах это тем, что “окружающие ему никогда не противоречили и скрывали от него неприятные вещи”. Гейдрих – совсем другое дело, “его отличали колоссальная память и политический инстинкт”. И вот что еще важно – с ним в СД пришла группа молодых интеллектуалов с академическим багажом, которые, хотя и не имели специальных познаний, обладали куда большей деловитостью, чем старые работники с полицейским опытом.

Гейдрих, по Лорану Бине, “отбирает сотрудников в руководители каждого из семи управлений, руководствуясь их компетентностью, а не ориентируясь на политические критерии, – случай достаточно редкий в сумасшедшем доме, именуемом аппаратом нацистов... Возглавлять другие управления и отделы службы имперской безопасности он поручит блестящим интеллектуалам – молодым, как Шелленберг (контрразведка) и Олендорф (внутренняя СД), или опытным, заслуженным работникам с университетским образованием, таким как Зикс (исследование и анализ мировоззрений, архив), и эти люди будут очень резко выделяться на фоне когорты полуграмотных, умственно отсталых и фанатиков, которых не счесть в верхах нацистской партии”.

Нам часто кажется, что мотивы организаторов Холокоста темны и непостижимы. На самом же деле у тех, кто творил зло, была своя этика, это зло оправдывающая. Они прекрасно ведали, что творят, и оправдывали страшные преступления благом германского народа. Гейдрих, в отличие от Еккельна, много говорил о себе и был достаточно образован, чтобы сформулировать свое кредо. В своем эссе “Курс нашей борьбы” Гейдрих писал о будущем Германии, принадлежавшем элите по рождению – в силу расовой селекции и благодаря собственным достижениям, способностям и дисциплине.

Судя по всему, Гейдрих, в отличие от того же Еккельна, лично не имел ничего против евреев, но видел в них врагов рейха и думал, как эффективнее их уничтожить. Это ему принадлежит изобретение термина “окончательное решение” (чтобы скрыть, засекретить геноцид), ему же – дьявольская идея создания айнзатцгрупп, специальных подразделений убийц.

Отто Олендорф, чья айнзатцкоманда D уничтожила 90 тысяч человек, поначалу робко возражал против своей миссии, пока не услышал от Гейдриха: “Все мы в одной лодке”. Эти молодые интеллектуалы из одной лодки были опаснее прочих. Большинство сотрудников РСХА принадлежали к одному поколению – родились в первом десятилетии века, две трети – с университетскими дипломами, одна треть – с докторской степенью. Отто Олендорф, Вальтер Шелленберг, Вернер Бест, Франц Зикс и другие, в отличие от поколения Еккельна, не успели на Первую мировую по молодости. Где же они впитали тот националистический дух, который сделал из них убийц? В тех самых университетах, где они учились. Как они пришли к этому?

Вступая в СС, были ли они готовы к убийствам? Вряд ли. Ими двигал национализм, ну и карьеризм, конечно. Преданность делу партии вознаграждалась, а их сердца бились в унисон с партией. Это потом верность партийной идеологии привела их в айнзатцгруппы и в администрации лагерей смерти.

“Они думают, что мы кровавые собаки, – говорил Гейдрих. – Это трудно для человека, но мы должны быть тверды, как гранит, иначе дело фюрера будет уничтожено. В будущем нас поблагодарят”. Он был убежденный национал-социалист, свято верил в необходимость политики массовых убийств.

Его вдова впоследствии говорила, что он полностью осознавал, что делает палаческую работу, и полностью ее оправдывал. Сам Гейдрих уверял близких, что не чувствует за собой никакой вины. В этом смысле он был схож с Гиммлером. Тот, выступая в 1935 году перед соратниками (за 10 лет до того, как Нюрнбергский международный трибунал признал СС преступной организацией), сказал: “Я знаю, многие немцы плохо себя чувствуют при виде черной эсэсовской формы, и не жду, что нас полюбят многие”. Он испытывал гордость, а не стыд по этому поводу. Еще бы, это он сам тщательно продумывал все детали той черной формы (впоследствии замененной на серую), добавив к черепу руническое начертание букв “SS” в виде двойной молнии.

Гиммлер на его похоронах (Гейдрих умер в результате покушения в мае 1942 года, совершенного в пражском пригороде бойцами Сопротивления) сказал: “Я знаю, как этот человек страдал, и как разрывалось его сердце, и чего это ему стоило – вновь и вновь готовить решения по закону СС, по которому мы обязаны проливать кровь, свою и чужую, когда жизнь нации этого требует”.

“Дело прочно, когда под ним струится кровь”

Как революционеры в “Бесах” Достоевского сплачивали боевую группу коллективным убийством, так и нацисты пытались сплотить нацию, связав ее жертвенной кровью. Немецкий историк Гюнтер Дешнер в очерке с симптоматичным названием “Рейнхард Гейдрих: технократ от безопасности” пишет: “Он не признавал неприкосновенности человеческой жизни, включая его собственную, что свойственно революционерам и технократам”. И далее сравнивает его с Сен-Жюстом, ведь “тот тоже держал голову высоко, требуя одну смертную казнь за другой”.

Можно было бы сравнить этот персонаж с другим пламенным революционером – обладателем горячего сердца, холодной головы и чистых рук Феликсом Дзержинским. “Октябрьская революция поставила его на тяжелый пост – на пост руководителя Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, – говорил Сталин у гроба Дзержинского. – Буржуазия не знала более ненавистного имени, чем имя Дзержинского, отражавшего стальной рукой удары врагов пролетарской революции”.

Между прочим, Гиммлер тоже имел чистые руки – в том смысле, что не был связан с коррупцией. Примером для подражания этого бессеребреника служили рыцари Тевтонского ордена. Деньги его не интересовали. Иногда он занимал у кого-то из сослуживцев мелкую сумму денег и всегда отдавал с получки. На следующий же день отказывал себе в вине или пиве, компенсируя убытки.

Возможно, Сталин чувствовал что-то общее с ним. Хорошо известно, что 23 августа 1939 года во время визита в Москву Риббентропа Сталин произнес тост в честь Гитлера. Но, оказывается, он поднял бокал не только за него. Вот что я прочитал (и чуть не упал со стула) в опубликованном дневнике Альфреда Розенберга, где тот приводит рассказ Риббентропа о своих московских впечатлениях.

“Сталин произнес здравицу не только за фюрера, но и за Гиммлера как гаранта порядка в Германии. Гиммлер истребил коммунизм, то есть тех, кто верил в Сталина, а он произносит – без всякой необходимости – здравицу за уничтожителя своих сторонников”.

Глава 5

В конце начала

Новому назначению не помешало и то, в чем Еккельн признался Гиммлеру, – у него проблемы с алкоголем. Впрочем, личные недостатки рассматривались рейхсфюрером как продолжение нацистских достоинств.

Инцидент на “Съезде труда”

На службе с Еккельном нередко случались “холерические приступы” – этим эвфемизмом подчиненные прикрывали его алкоголические срывы. Сын Харальд, родившийся в 1939 году, однажды поинтересовался у матери, кто был тот мужчина, который избил его в двухлетнем возрасте, – отца он помнил с более позднего времени.

На допросах Еккельн несколько раз рассказывал о пьянстве товарищей по партии, но никогда – о своем. Вспомнил, как в 1944 году на банкете в честь дня рождения Гитлера генерал Бремер подрался с главой рейхскомиссариата Лозе, из-за чего Бремера отозвали из Остланда, а его место занял генерал Кемпф.

Себя Еккельн изображал едва ли не как борца с пьянством: “В 1937 году в Нюрнберге на съезде партии Гитлер пригласил высшее руководство СС и партии на ужин. Кох опьянел, стал задирать областных фюреров. Дошло до прямых оскорблений. Я не мог этого стерпеть и вышвырнул его из зала”. Вряд ли сам Еккельн был в этот момент трезв.

...Оказавшись в Нюрнберге, я, конечно, захотел побывать на “землях партии” и увидеть нацистский Дворец съездов. Он оказался похож на римский Колизей. Конгрессхалле – самое большое сохранившееся здание, построенное при нацистах. Точнее, недостроенное – согласно проекту Альберта Шпеера, зал заседаний должен был иметь высоту 70 метров, но строители дошли только до отметки 39 метров. Рядом – “Поле Цепелина”, где снято немало сцен из “Триумфа воли”, поле никто не застраивает, даже трибуны сохранились. Постоял немного на балконе, откуда выступал Гитлер. Полюбовался панельным домом окнами в поле, с огромной рекламой *Grundig*. В этом доме селят беженцев, в прошлые десятилетия – из России, ныне – из Сирии.

...Партийные съезды проходили ежегодно по одному и тому же сценарию. Каждый продолжался восемь дней и включал помимо заседаний факельное шествие, парады и спортивные состязания. Возможно, инцидент случился в первый день съезда – “День приветствия”, когда в Нюрнберг прибывал фюрер и в городской ратуше устраивался прием, а вечером избранная публика отправлялась слушать оперу Рихарда Вагнера “Нюрнбергские мейстерзингеры”. А может быть, в последний, когда Гитлер произнес в Зале конгрессов с нетерпением ожидавшуюся речь. На этот раз он обращался к западным демократиям, предостерегая их от “генерального наступления жидовского большевизма на нынешний общественный строй и против всех наших духовных и культурных ценностей”, ведь “в нынешней Советской России евреи занимают 80 % всех руководящих постов”.

Каждый съезд имел название, этот назывался “Съезд труда”, последний – “Съезд мира” – должен был открыться 2 сентября 1939 года, но был отменен из-за нападения на Польшу. Что ж, мир – это война. Как и будет сказано.

Пьяный водитель

За несколько недель до съезда – 26 июля 1939 года – рейхсфюрер СС потребовал от обергруппенфюрера Фридриха Еккельна объяснение по поступившей на него жалобе. Там говорилось, что Еккельн, проезжая через деревни, мчался на машине со скоростью до 100 километров в час, “грубо вел себя по отношению к водителям и пешеходам”, а также находился “в состоянии алкогольного опьянения”.

Гиммлер попросил ответить Еккельна на три вопроса: “1. Вы вообще ехали этой дорогой? 2. Сколько алкоголя Вы выпили в тот день? 3. Вы ехали, соблюдая правила?” Еккельн объяснение представил.

“Брауншвейг, 28 июля 1939. Рейхсфюреру СС и шефу немецкой полиции Г. Гиммлеру. Пункт 1. Вечером 23.06.1939 г. я выехал на двухместном автомобиле полиции (номер – В 19 399) из Брауншвейга в Гифхорн, в мой охотничий домик. Пункт 2... В 13:30 господин Шмитт, советник имперского Министерства экономики... пригласил меня на ужин в узком кругу в отель “Лоренц” в Брауншвейге. Эта встреча должна была послужить укреплению товарищеского духа между партией и правительством”.

Далее идет перечисление фамилий и чинов участников ужина. Еккельн всячески пытался отвести от себя подозрение в чрезмерном употреблении спиртного. За весь вечер им лично было выпито “от четырех до пяти бокалов мозельского вина”, “не более четырех стопок шнапса” и после этого, возможно, “еще три, самое большее четыре бокала пива”. Сам этот подсчет дорогого стоит. Это сколько же надо было на самом деле выпить, чтобы минимизация дала такой результат! Впрочем, за точность подсчета выпитого он не ручается, “так как, естественно, не делал никаких записей... Если мое объяснение об употреблении алкоголя является недостаточным, я прошу опросить участников ужина”.

Зато он не курил, что специально подчеркнул в своем рапорте, поскольку курение считалось грехом едва ли не большим, нежели пьянство. “С 1 апреля мне было установлено правило, чтобы я не употреблял табака в течение одного года”. НСДАП ввела запрет на курение во всех партучреждениях, а Гиммлер запретил офицерам СС и полиции курить в рабочее время. На Еккельна, по-видимому, было наложено более строгое ограничение.

Гитлер сам бросил курить и призывал к тому же всех в своем окружении. В стране развернулась антитабачная кампания. Нацисты утверждали, что в распространении табака виновны евреи, табак был впервые завезен в Германию евреями, и евреи контролируют табачную промышленность.

С приходом Гитлера в статистике отмечается рост потребления алкоголя, в первую очередь пива. В 1938 году в Германии, по официальным данным, насчитывалось 300 тысяч алкоголиков. Вряд ли в их числе был учтен начальник земельной полиции Фридрих Еккельн.

Правда, сам фюрер в рот не брал спиртного, Гиммлер не мог выпить больше двух кружек пива. Но ими всячески поощрялись пивные вечеринки “в целях укрепления товарищества и дружбы”. Товарищество – очень важная категория в нацистской Германии. “Говорят, будто немцы поработаны нацизмом, – писал в 1939 году уже упоминавшийся юрист Себастиан Хафнер. – Это только половина правды. С немцами произошло нечто худшее, для этого еще не придумано слова. Они – отоварищены. Они живут в волшебном мире мечты и опьянения. Оно и впрямь демонично, безмерно опасно, это многохвалимое, безобидное, прекрасное мужское товарищество. Нацисты знали, что делали, когда навязали его в качестве нормальной формы жизни целому народу”.

...Совместное возлияние решено было продолжить в его охотничьем домике. В объяснениях по пункту три Еккельн подчеркивал, что если по дороге туда и нарушил правила, то

совсем немного. Если и допускалась скорость 100 километров в час, то на свободной дороге, а во время проезда через населенные пункты он сбрасывал скорость.

Гонки на дороге – не что иное, как проявление скрытой агрессии. И, скорее всего, алкоголизма, обвинения в котором Еккельн всячески избегал. Правда, его алкоголизм за годы пьянства, вероятно, изменил свою природу, он больше не имел никакого отношения к психологической самозащите, к тому, чтобы спрятаться от плохих мыслей. Теперь Еккельнпил от полноты жизни – “могу себе позволить, жизнь удалась”.

“На выезде из города с восточной стороны, где шло пересечение дорог Гифхорн – Эльцен, был закрыт шлагбаум. В то время, как я остановил машину, не знаю откуда, появился некий господин и сделал, подойдя к моему автомобилю, мне упрек в вождении с нарушением правил. Он был водителем автомобиля, который напрасно пытался меня обогнать на трассе. Этот господин сказал мне, что поскольку он член НСКК¹, то должен на меня заявить. Я сказал ему, что мне безразлично, что он там напишет. Как я установил, речь шла о господине Хусманне из Гамбурга. Хусманн тогда утверждал, что я был в состоянии опьянения... Я заявляю, что разговор с Хусманном проходил в совершенно спокойной и вежливой форме. 24.06.1939 г. я был, как обычно, на службе около семи часов утра”.

Можно легко вообразить, насколько спокойно и вежливо велся этот разговор. Проведенная проверка показала, что Еккельн устроил настоящие гонки на провинциальной дороге и, остановившись на железнодорожном переезде, “вел себя крайне вызывающе”. Гиммлер закрыл глаза на этот проступок, никаких последствий для Еккельна он не имел, о нем даже не было сделано отметок в его личном деле.

¹ Национал-социалистический механизированный корпус – полувоенная организация в составе НСДАП – оказывал помощь полиции в патрулировании автобанов.

АЛКОГОЛИКИ

Могло быть хуже. Еккельн был не единственным алкоголиком среди высокопоставленных эсэсовцев. В том же Ганновере одно время, еще до назначения Еккельна, начальником полиции был Виктор Лютце, в прошлом – начальник штаба СА, донесший Гитлеру о неподобающих высказываниях Рёма и выдвинувшийся после “ночи длинных ножей”. Известный пьяница, 1 мая 1943 года он вместе со всей семьей попал в аварию недалеко от Потсдама из-за слишком высокой скорости на повороте – погиб вместе с дочерью.

Карьеру в нацистской партии сделал и другой алкоголик – Оскар Дирлевангер. Ровесник Еккельна, участник Первой мировой, в 1935 году он в пьяном виде разъезжал по Хайльбронну на служебном автомобиле и, совершив две аварии, попытался скрыться. За это ничего ему не было. Но когда выяснилось, что он растлил 13-летнюю девочку, да еще состоявшую в Союзе немецких девушек, это не сошло ему с рук. Дирлевангер был исключен из партии и получил два года тюремного заключения. Только в 1940 году обвинения были с него сняты, приговор отменен, а сам он назначен командиром эсэсовского карательного батальона, сформированного из бывших уголовников и сразу оставившего кровавый след в Польше (грабежи и убийства евреев Люблина). У него к евреям были давние счеты, еще в 1919 году его, участника Первой мировой войны, отчислили из Высшей технической школы в Мангейме за антисемитскую агитацию.

“Организм человека не в состоянии вместить одновременно и алкоголь, и антисемитизм, – говорил Станислав Ежи Лец, – стоит ввести в него немного алкоголя, и антисемитизм тут же вылезает наружу”.

Если же говорить всерьез, то насилие, конечно же, связано с алкоголем, под влиянием которого совершались и совершаются многие злодеяния. Свидетели геноцида в Руанде в 1994 году рассказывали, как пьяные хуту с песнями на устах убивали своих соседей, тутси по национальности.

Дивизия “Мертвая голова”

Весной 1940 года Еккельн отправился на войну с Францией. Сразу после того, как она перестала быть “странной войной”, немецкие войска начали наступление. Свою роль в блицкриге сыграла дивизия СС “Мертвая голова” (*Totenkopf*), которую возглавил Теодор Эйке. Еккельн, к тому моменту уставший от мирных трудов, напросился к старому знакомцу. Несмотря на высокий чин, Еккельну доверили лишь должность командира батальона, но новоиспеченный генерал готов был пойти в бой кем угодно – кому война, а кому мать родна.

В этом смысле он был не одинок. Гейдрих прошел перед войной курс обучения летному делу, переделся в мундир гауптмана (капитана) и принял участие в боевых вылетах немецкой авиации во Франции (вначале как стрелок-радист на бомбардировщике, затем как пилот штурмовика). “Это отвечало представлениям Гейдриха об идеальном офицере СС, который не только сидит за рабочим столом, но и сражается на фронте, – пишет Лоран Бине. – После того как в 1941 году самолет Гейдриха был сбит восточнее реки Березины и Гейдриха спасли лишь вовремя подоспевшие немецкие солдаты, Гиммлер личным приказом запретил ему участвовать в боевых действиях”.

Формировалась дивизия “Мертвая голова” в Дахау в основном за счет частей по охране концлагерей. Она считалась элитным соединением. Их высший офицерский состав был сильно моложе армейского, зато идеологически куда более выдержанным. Войска СС в принципе задумывались Гиммлером как особое подразделение, беззаветно преданное фюреру.

“Слабакам не место в рядах дивизии, – учил своих воспитанников Эйке, – и они поступят правильно, если подадутся в монастырь. Мне нужны только твердые, решительные люди, готовые безоговорочно выполнить любой приказ, недаром же у них на фуражках изображены черепа”.

Любой приказ... Дивизии противостояли части Британского экспедиционного корпуса, выдвинувшиеся на помощь французской армии. Последним очагом сопротивления британцев была ферма на окраине деревни Ле-Парадиз, окруженная солдатами 2-го пехотного полка дивизии “Мертвая голова”. Когда боеприпасы у них закончились, командир оборонявшихся майор Райдер приказал сотне выживших сдать. Командир роты Фриц Кнохляйн приказал отвести пленников через дорогу к ближайшему сараю, двумя пулеметами их расстреляли. Оставшихся в живых приказал добить штыками. Тем не менее двум британцам удалось выжить и в 1948 году свидетельствовать против Кнохляйна в британском военном суде, по приговору которого он был повешен.

По мнению Эйке, таким и должен был быть эсэсовец, “любая жалость недостойна эсэсовца”. Ни к себе, ни к другим. Между прочим, сдаваться в плен эсэсовцы не имели права. Гиммлер заявил 8 ноября 1938 года: “Полагаю правильным, если не будет ни одного пленного эсэсовца. Он должен будет покончить с собой”. Это было задолго до сталинского приказа № 270, предписывавшего уничтожать “предателей”, сдающихся в плен, и применять репрессии в отношении их семей.

Всего годом позже многим из воспитанников Эйке удалось в полной мере воплотить наказания учителя. Из служивших в дивизии “Мертвая голова” вышло немало тех, кто впоследствии участвовал в уничтожении евреев. Естественно, Еккельн сохранил прекрасные отношения с Теодором Эйке и позже, во время похода в Россию, всячески помогал ему и его соединению.

История Цинглера

“С июля 1940 года до мая 1941 года я был высшим фюрером полиции и руководителем оберабшнита “Запад” в VI военном округе”.

Стало быть, Гиммлер вернул Еккельна обратно, на прежнюю должность. Впрочем, ненадолго. Весной 1941 года он начал готовить Фридриха Еккельна для новой роли на востоке.

В бытность Еккельна начальником оберабшнита “Запад” случилась одна история, которая немного проливает свет на его привычки и, главное, на свойственную ему манеру руководства. Эту историю я вычитал в материалах одного немецкого расследования, по которому допрашивался некий Йоханнес Цинглер из Данцига. Допрос проходил в 1961 году, допрашиваемый разоткровенничался со следователем, терять ему было нечего, сразу после войны он уже был осужден по другому делу и свое отсидел.

Цинглер вступил в нацистскую партию двумя годами позже Еккельна – в 1931 году. А до того никак не мог найти постоянную работу, несмотря на имевшееся у него полное среднее образование. Неудачнику, естественно, мешали чужаки. Его не взяли даже плотником – якобы из-за противодействия инженера-поляка. Зато в партии сразу приветили, поручили важную работу. Вначале он вел учет заявок на членство в НСДАП и заполнял формуляры при приеме, затем пошел на повышение. Стал партийным бюрократам, получил чин оберфюрера СС. В 1939 году назначен начальником абшнита, в состав входило три эсэсовских штандарта.

К тому моменту Еккельн получил повышение по эсэсовской линии, став из начальника абшнита в Брауншвейге начальником оберабшнита “Запад”, в который входил абшнит в Эссене, возглавляемый Цинглером.

Как и Еккельн, с началом войны Цинглер добровольно записался в Ваффен-СС и был отправлен во Францию. Год спустя, в августе 1940 года, его отозвали обратно в Эссен. По прибытии Еккельн сделал выговор Цинглеру за то, что тот пошел на фронт, оставив свой пост в СС. “Рейхсфюрер СС, – сказал Еккельн, – учит нас, что каждый должен оставаться на своем месте и не искать других назначений”. В ответ Цинглер заметил, что сам Еккельн поступил так же. Эта дерзость не сошла ему с рук – что позволено Юпитеру, не позволено быку. Еккельн не терпел, если с ним пререкались. И ничего никому не забывал.

Спустя месяц Цинглер опять был вызван к Еккельну. На этот раз дело обстояло куда серьезней – начальник оберабшнита выдвинул против него обвинение в присвоении 2 тысяч марок. И, со слов Цинглера, без каких-либо доказательств он был заочно приговорен 21 ноября 1940 года 3-м полицейским судом СС в Берлине к двум с половиной годам тюрьмы.

Вскоре у Цинглера родился ребенок, и его жена написала Гитлеру с просьбой о рассмотрении дела мужа фюрером лично. Ответ из партканцелярии не содержал ничего конкретного, смысл его сводился к тому, что сейчас судьба отдельного индивида не имеет значения и что дела ее мужа поправятся после войны.

Правда, в тюрьме (она была в том же здании на Принцальбрехтштрассе) Цинглер пробыл меньше полугода. В апреле 1941 года ему объявили, что рейхсфюрер так и не подписал его приговор, но он все равно разжалован, переведен в “расходный материал” (*verlorene Haufen*) и будет служить в одном из эсэсовских батальонов в Дрездене. Своего приговора он так и не увидел.

Продолжение истории Цинглера следует – мы еще встретимся с ним на этих страницах.

Глава 6

Подарок для фюрера

В 1992 году, когда я был в Берлине, меня разыскала продюсер Би-би-си Кэтрин Клей, – рассказывал Петр Крупников. – Она сказала, что снимает фильм о Еккельне, и поинтересовалась, буду ли я в такое-то время в Риге. Я сказал: да. Приедет и дочь Еккельна. Так я встретился с Ренатой... Она внебрачный ребенок... и своего отца никогда не видела”.

Что за дочь такая? В протоколе допроса от 8 января 1946 года Еккельн сообщил о трех дочерях (Ильза 23 лет, Анна-Мария 13 лет, Хельга 8 лет) и четырех сыновьях (Фридрих 26 лет, Клаус 21 года, Рейнхард 16 лет, Харальд 6 лет).

...Рената узнала о том, кем был ее отец, только в 1979 году. И выяснила, что в 1941 году у него родилось двое детей. Сразу двое, но от разных матерей – в Брауншвейге родился законный сын Дитер (умер в 1944 году) и незаконнорожденная дочь Рената, появившаяся на свет в доме “Лебенсборна” в Штайнхёринге, что неподалеку от Мюнхена.

Забегу вперед и скажу, что Рената Рёдер захотела встретиться со своими сводными братьями и сестрами, когда узнала об их существовании. В 1988 году она написала в Брауншвейг письмо одному из них – Рейнхарду Еккельну, но ответа не дождалась.

“Ребенок для Гитлера” – документальный фильм Би-би-си с участием Крупникова – легко нашелся в Сети. Крупников отозвался о нем так: “Еккельн мог бы быть интересной темой, но тогда следует снять настоящий фильм. Этот не такой”. Ну, такой не такой, он открывает нечто, о чем мало кто знает. И вообще-то он не о Еккельне, тот в нем оказался потому лишь, что его дочь Рената родилась в одном из домов “Лебенсборна”.

“Источник жизни”

Что за дом притих, погружен во мрак? Мрак баварского леса. Соседи точно не знали, что там творится, в этом белом четырехэтажном доме на берегу озера. По слухам, там рожали арийские матери. Незаконных, но арийских детей. Слухи проникали и подальше соседских дворов, в прессе союзников эти дома называли “гиммлеровскими фабриками детей”.

“Лебенсборн” – об этой секретной структуре Третьего рейха до сих пор рассказывают самые невероятные вещи. Немного погуглив, можно узнать, что то была сеть ээсовских борделей, что дома свиданий посещали офицеры СС и молодые женщины, непременно арийки, а потом рожали арийских детей под приглядом вышколенного медперсонала. Что же там было на самом деле?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.